

Отстрел невест

Автор:

Андрей Белянин

Отстрел невест

Андрей Олегович Белянин

Тайный сыск царя Гороха #4

Как ни надеялся новоиспеченный лейтенант милиции, заслуженный сыскной воевода Никита Иванович Ивашов спокойно перезимовать зиму в Лукошкине – увы! Новые дела посыпались как из рога изобилия. Одновременно две кражи и – страшно подумать – «мокрое» дело! Но долго унывать нашему герою не приходится. На помощь ему спешат бессменный эксперт-криминалист Баба Яга и младший сотрудник следственного отдела Дмитрий Лобов. А уж они-то знают, что у них в Лукошкине все по-другому. И если в Европе принцы и королевичи съезжаются ко двору прекрасной принцессы, то здесь наоборот – двенадцать девиц благородного происхождения едут на санях, зимой, только для того, чтобы самодержец выбрал себе невесту! И ничего удивительного, если за руку и сердце царя Гороха невесты пойдут на преступление! Итак, следствие начинается...

Андрей Белянин

Отстрел невест

...Зима в Лукошкине. Митька, в белом тулупчике и валенках, с деревянной лопатой наперевес стоит на защите наших ворот. Стрельцы Еремеева выстроились полукругом за моей спиной, все молчат, лица напряженные, глаза горят, и только белые клубы пара оседают дрожащими капельками на русых бородах. Я медленно, с расстановкой касаюсь проверенной клюкой нечищеного

кругляка из березового полена...

– Готов?

– Как есть готов, батюшка сыскной воевода! – подтвердил Митя, пошире расставляя ноги.

Я картинно размахнулся и ударил с разворота.

– Угол! Угол держи! – сорвался кто-то из стрельцов. Поздно... Берёзовая шайба, серой снежинкой свистнув в воздухе, угодила нашему младшему сотруднику прямо в лоб. Тот только чихнул, а бедный кругляш, от столкновения с ещё более твёрдой поверхностью, разлетелся на две половинки.

– Никитушка! – На пороге нашего терема показалась Яга, плотно укутанная в серый пушистый платок. – Ну скока можно на морозе палками махать?! Не ровён час, простудишься, сердешный...

– Всё нормально, бабуль! – нетерпеливо отмахнулся я. – Уже иду, всё равно Митька четвёртую шайбу поломал...

– И его в дом гони. Пущай делом каким займётся, а то нашёл себе забаву – ворота оборонить! Вона какая шишка на лбу-то растёт...

– Дык... я ж тренируюсь! – даже обиделся верный Митяй, и свободные от дежурства стрельцы поддержали его согласным киванием. – Не за себя боль и муки принимаю, а токмо победы командной ради...

– Это он вчера у дьяка Филимона подхватил, – пояснил я, вскидывая клюшку на плечо. – Эй, молодцы! Поработайте тут без меня по парам. Общая тренировка – после обеда, и чтоб Еремеев был!

– Слушаемся, Никита Иванович!

Я пошёл в терем. Теперь могу отдышаться и, если хотите, рассказать обо всём поподробнее. Пока Яга суется с самоваром, у нас есть минут пять, но не больше... Бабка у меня в этом смысле строгая – пока не накормит, никаких

разговоров. Начну сначала... Я – Никита Иванович Ивашов, 19.. года рождения, бывший москвич, бывший младший лейтенант милиции. Бывший потому, что уже почти год живу в непонятно каком сказочно-параллельном мире времён царя Гороха. А ещё раз «бывший» потому, что за последнее дело, о летучем корабле, государь представил меня к повышению, и я, с его царственной воли, добавил себе на погоны ещё одну звёздочку. Не буду врать, что у меня всё так сразу распрекрасно получалось... Если бы не практическая хватка Бабы Яги, в чей терем меня и выбросило при перемещении, я бы точно сошёл с ума. Не знаю, как другие (не слишком любил фантастические романы), но лично меня, например, пришлось отпаивать от шока травяными настоями, а потом ещё и работой грузить по самую маковку, чтоб о доме не скучал. Какой работой? Нашей, милицейской, естественно. Многоэтажки возводить я не обучен, электроутюг смастерить тоже не сумею, но хорошая московская школа криминалистики заинтересовала Гороха. Тот и открыл специальным указом у нас в Лукошкине первое милицейское отделение. А я его начальник, гражданин участковый, или, по-местному, «батюшка сыскной воевода». Разместились мы всё в том же тереме Яги, он просторный, а бабке свой век одной доживать скучно. Вот она-то у нас и есть наилучший эксперт-криминалист по всем чародейным вопросам. А тот здоровяк, что на воротах стоял, это Дмитрий Лобов. Он при отделении... ну на все руки! И вышибала, и филёр, и связной, и дворник, и охранник, а уж в смысле ареста государевых преступников – один всего столичного ОМОНа стоит. Делу сыска предан безоглядно! И быть бы ему со временем генералом, если бы не один маленький недостаток – когда мозги раздавали, Митя в очереди последним стоял... Учим мы его, учим, как об стену горох! Я его даже увольнять пару раз пытался, рука не поднялась... Всё-таки наш человек, милицейский.

После трёх особенно громких расследований государь наконец дозрел – и сотня стрелецкая под командованием Фомы Еремеева теперь «сыскной» именуется. У всех ребят шевроны на рукавах появились, почти как у меня, с трёхцветным флагом. Конюшню расширили, теперь при отделении уже целых шесть лошадей, а значит, есть маленький конный отряд быстрого реагирования. Жалованье платится вовремя, плюс пайковые, да и тулупчики белые новенькие мне на всё отделение из казны под расписку выдали. Сволочной бабкин петух, который в тёплое время года будил меня в четыре утра, заперт в курятнике. Отбывает зимний срок, орать орёт, но уже не так слышно.

В целом, надо признать, пока жаловаться грех. Тем паче что преступность с холодами резко падает, и в основном почти половину декабря мы предавались вынужденному безделью. Что и подвигнуло меня на «новые подвиги».

Как говорится, не было печали... Я придумал... хоккей! Стрельцы приняли идею на ура, и за какую-то пару недель мы подсадили на это дело весь город.

– Никитушка, откуль ты тока взял забаву энту басурманскую? – беззлобно ворчала бабка, пока я наворачивал щи со сметками. С ответом можно было подождать: во-первых, Яге он не очень и требовался, а во-вторых, щи очень уж вкусные... – Вчерась слышала, будто бы кузнецы супротив кожевенников играли, да не выиграли. На два раза больше им по воротам насовали. Но уж апосля, за площадью, молотобойцы своё и возвернули! Да клюками твоими мудрёными так кожевенную улицу отходили, что стрельцов пришлось звать!

– Ере...меев ток...ла...тыфал! – старательно чавкая, подтвердил я.

– Да ты, молодец, ешь, не отвлекайся. Вона и каша ещё дожидается...

– Н...не могу. Спасибо, бабуль, но не могу. По расписанию через полчаса тренировка, как же я с набитым пузом Митьку гонять буду?

– Пожалел бы мальчонку... – укоризненно покачала головой Яга, но спорить не стала, взялась за самовар. – Нешто можно ему вечно на воротах стоять? Измёрзнет весь, да и, того гляди, шайбой твоей опять по лбу огребёт.

– Пробовал я его на поле выпускать... Это всё равно что ядром пушечным в магазин богемского стекла запустить – от него стрельцы во все стороны как кегли посыпались! Троим потом примочки класть пришлось... Нет, пусть голкипером работает, и он никого не убьёт, и ворот за его спиной почти не видно.

– Всё одно не разберу, – видимо, бабке тоже было нечем заняться, обычно она по два раза не переспрашивает, – чего ж за-ради десятков здоровых мужиков по льду гольному топотнёй бегают да клюками гнутыми по чурбачонку безвинному бьют? Добро бы друг дружку по горбу гвоздили, тогда хоть ясно, чья взяла... Где ж тут удаль молодецкая, где ж лихость да силушку народу показать?

– Бабуля! – медленно и строго напомнил я. – Вы прекращайте мне в команде подрывные разговоры вести. Думаете, я не знаю, кто Митьке подсказал, что в воротах не шайбу ловить надо, а нападающих противника лопатой

отгонять?!

– Да не я это, Никитушка! – чересчур праведно замахала руками Яга.

Другой бы поверил, но я ведь её не первый день знаю...

– Не вы, значит... а у шорника Егорова теперь двух зубов нет! Это как?

– А неча ему, невеже, в наши ворота с клюкой переть! – запальчиво вскинулась бабка, но под моим осуждающим взглядом осеклась. Молча сунула мне чашку с чаем и, пододвинув мёд, села в уголочке, обиженно теребя уголок головного платка. В дверь постучали.

– Войдите.

– Здоровы будьте, хозяева! – Из сеней, отряхивая с шапки снег, в горницу вошёл сотник Еремеев. Человек дельный и проверенный, всего по жизни добивавшийся сам, за что и был уважаем всем отделением.

– Садись к столу, Фома Силыч.

– Благодарствуем, а только некогда. Собирайся, Никита Иванович, царь тебя ко двору требует.

– Боже мой, неужели хоть там что-то произошло? – едва ли не подпрыгнув, поднялся я. Бабка тоже с надеждой вытянула шею.

– Нет, тихо всё... – добродушно хмыкнул сотник. – Поговорить ему с тобой надобно. Ты ведь о смотринах царских наслышан, чай? Да и посольство запорожское не сегодня-завтра ко двору пожелует...

– Ну а я-то при чём? Я ему не брачный консультант и не дипломатический корпус...

Ехать сразу расхотелось. Однако хитрый Фома заговорщицки подмигнул и весомо добавил:

– А также хочет государь с тобой об одном дельце покалякать. Вроде бы кубок у него с червонцами лишний... Понял ли?

– Бабуль! – взмолился я, сразу всё поняв. – Проведите тренировку за меня, а? Мне к царю по делу, срочно!

– Охти ж мне с тобой, Никитушка... – нарочито медленно поднялась старая ворчунья. – И спина-то болит, и колено припухло, и глазоньки уже не те, а мороз-то всё леденит без разбору! Ну да беги уж... Управлюсь как-нибудь с твоими архаровцами...

– Спасибо! – Я мигом накинул тулуп, сунул ноги в валенки и на ходу чмокнул бабу в щёку.

– Никитушка!

– А? – уже в сенях обернулся я.

– Ты уж там... не очень-то спеши. Как следует подмогни государю! Дай и мне на старости молодых парней по двору погонять. Э-эх, где мои семнадцать лет?!

* * *

Последняя фраза – не из Высоцкого, так в Лукошкине каждая вторая пенсионерка приговаривает. Мы с Фомой ехали в санях, полозья скрипели по снегу, возница прикрикивал на кобылу, и, чтобы говорить, приходилось слегка повышать голос.

– Клюшки всем достал?

– С двойным запасом плотники настругали. Да ещё шайб берёзовых немерено. А сколь команд в финал выйдут?

– Максимум три! Мы пока фавориты, следом по очкам – «Святые отцы», а уж за ними боярская дума.

– Вот уж не ждали, не чаяли... Да как же их, толстопуzych, на такое дело развезло?

– У них в команде сейчас ни одного думца и нет, набрали легионеров из кузнецкого ряда, двое из царских стрельцов и вроде рыбак один. У него, кстати, удар хороший...

– А можно так ли? Замест своей рожи другую подставлять?!

– В принципе правилами не возбраняется...

Вот так, без лишнего шума и ажиотажа, проходил первый в Лукошкине хоккейный чемпионат на кубок царя Гороха! Государю моя затея понравилась, он и сам после первого просмотра требовал себе клюшку, но бояре не позволили. Должен признать, что на этот раз они были абсолютно правы – в царский терем съезжались невесты! Да-да, наш Горох наконец-то решил жениться. Довели мужика, говорят, всем государством три года упрашивали... Оно и правильно, царю нельзя слишком долго жить гражданскими браками. То есть если иногда и понемногу, но не с каждой и не... А может, он из-за своего последнего романа так решил. Это отдельная история и печальная... Я, кстати, тоже женюсь. Нет, не сейчас, когда-нибудь, но обязательно. У меня даже девушка на примете есть, Олёна! Просто её нет здесь сейчас... В общем, я-то погожу пока, но потом как-нибудь мы к этой теме вернёмся, обещаю...

До царского терема докатили быстро. Зима, дороги обледенели, если лошадь хорошо подкована, сани просто стрелой летят. А у Гороховых ворот творилось натуральное дорожно-транспортное происшествие в международных масштабах... Невесты прибывали косяком! И все с эскортом, парадным поездом, с прислугой, охраной, полевой кухней и прочими причиндалами. Чью-то карету на полозьях развернуло боком, проход перегородило намертво, кони храпят, возницы щёлкают кнутах, бардак полнейший! Народ лукошкинский хохочет, разумеется. Видишь ли, их хлебом не корми – дай послушать, как царские невесты на иностранных языках друг дружку ругают нецензурными выражениями. Наш приезд вызвал здоровое волнение, видимо, горожане дружно решили, что я сюда явился исключительно арестовывать.

– Вяжи сквернавок, народ, пока Никита Иванович не осерчал! Будут знать, как при детях малых «состенуто кон в модэрато!» говорить! Ох, грехи наши

тяжкие... Ну, ей «зи ферфлюхтер хунд!» и ответили!

– Ой, нешто так и сказали?!

– Да, а та рыжая ей вслед ещё «шалавус грециус смоковнис!» добавила!

– А, ну тогда ясное дело – под арест... Подсобить ли, батюшка сыскной воевода?

– Чего спрашиваешь?! Энтих мыр заморских вона сколько, а Никита Иваныч один, носом простуженный, чё ж ему переутруждаться-то... Навались, народ!

...Я только фуражку по самые уши натянул. Ну их! Пусть Еремеев сам тут разбирается, меня у Гороха ждут. Летом этих деятелей и кочергой не раскочегаришь, а зимой, на морозе, только повод дай потолкаться... Пока сотник зычным голосом наводил порядок, я кое-как, бочком протиснулся под польским обозом и, перепрыгнув через длинные полозья финских санок, успешно выбрался во двор.

Царские стрельцы, спешащие растаскивать «пробку», на ходу махали мне шапками. Ребята почти все знакомые, я тоже козырял, не сбавляя шага. Им играть на днях с Гостиным двором, там три купеческих каравана выставили объединённую команду. Гости проиграют почти наверняка, у них там всё на чистом энтузиазме, а стрельцы – команда сыгранная, дисциплинированная. К тому же гвардия самого государя... Когда они нам в первый раз проиграли, Горох в запале отправил хоккеистов на конюшню и в батога. Еле успел отбить бедолаг, пояснил царю, что в противном случае чемпионата не будет – с ним играть откажутся. Государь подумал, кивнул, заменил батога на отеческий подзатыльник каждому и махом назначил себя их же главным тренером!

Я уже поднимался на второй этаж по лестнице, когда меня перехватил думский дьяк Филимон. Он выглядел измотанным и побитым, почему и вёл себя достаточно вежливо.

– Здрав буди, сыскной воевода. А не одолжишь ли от щедрот своих времени толику, ибо вопрос жизненно важный имею.

– Здравствуйте, гражданин Груздев. Времени нет, царь ждёт, так что выкладывайте быстро.

– Заявление в милицию твою имею, – быстро заявил дьяк.

– Фискальный донос?

– А хоть бы и фискальный, ты нос-то не вороти! Чай, мои доносики в прошлый раз за тебя всю работу сделали... Али забыл про девку чернявую, бесстыдную? – завёлся было Филимон Митрофанович, но вовремя осёкся. – Прощение нижайшее имею через городское отделение на отца Кондрата надавить примерно. Не могу я более в команде ихней быть, не могу-у!

– Вы мне в ухо не кричите, пожалуйста. И за портупею меня хватать не надо, – чуть отодвинулся я. – Ничего не понимаю, вы ведь лучший левый защитник, на вас весь синод молится!

И это истинная правда... Хоккеист из него, как из скрипача – тореро. Но! Как только дьяк, в длинной рясе, телогрейке, косо сидящем треухе, с клюкой в руках появляется на левом фланге – все команды попросту забывают про игру... Они с рёвом ловят гражданина Груздева, а тот ловко улепётывает от них под свист и улюлюканье всей толпы! Ей-богу, «Святые отцы» нам в этот промежуток две шайбы закатали, пока я хоть как-то сумел организовать ребят...

– Моченьки моей более нет, участковый... – Жалобно сморщив лицо, Филимон Митрофанович изо всех сил пытался выжать большую горячую слезу. – Каждый вечер рёбрышки болят, ноги сами уж и не ходят, на голове одни шишки, ить лёд-то не перина, а уж бьют меня... Ведь, по совести говоря, совершенно бесчестно бьют-то! Почём зря ведь! И больно так, главное...

– Ну... в игре всякое бывает, – вынужденно прокашлялся я. – Но судья следит, и на последнем матче два плотника получили по две минуты. Шмулинсон старается...

– Ах, Шмулинсон! – раненым изюбром взревел аж подпрыгнувший дьяк. – Да судья твой купленный с потрохами три раза и проданный, и снова перекупленный! Меня с ног бьют, а он не видит! Меня по льду на спине катят, а он отворачивается! Меня в ворота с шайбой в зубах затолкали, а он гол

засчитывает! Иудей он и есть! И как тока еврею обрезанному православный хоккей судить дозволили?!

– Абрам Моисеевич – единственное незаинтересованное лицо, – попытался объяснить я, поспешно ретируясь задом к царским дверям. – Израильская команда в чемпионате не участвует, а судит он относительно честно...

– Относительно?! Да меня, грешного, от такого отношения каждый раз домой на руках относят, в безопасность относительную... Аспид иерихонский!

Спасительные руки царских стрельцов подхватили меня сзади под мышки и мигом утянули в кабинет государя. Горох с мрачным лицом маршировал из угла в угол. Это не факт плохого настроения, скорее признак крайней озабоченности и неуверенности в себе.

– Вызывали?

– Приглашал, – важно поправил Горох, но тут же споткнулся о складку на ковре, едва не растянувшись на полу. – Тьфу, зараза! Ну сил моих нет... Ей-богу, сейчас кого-нибудь обезглавлю!

– Да ладно вам... – Я похлопал царя по спине, помог поправить корону на голове и едва ли не силком усадил на широкую узорчатую скамью. – Это вы из-за невест?

– А чтоб им всем! – кивнул государь. – Угораздило сболтнуть не вовремя, так бояре верные уже к вечеру гонцов во все страны отправили. Теперь едут вон... Из Франции, из Германии, из Швеции, из Италии, из Африки...

– Что?

– Вот те крест, Никита Иванович, припёрлась-таки эта Тамтамба Мумумба! – в сердцах притопнул Горох. – А наших, русских, тех вообще не считано... Едва ли не от каждого города по красе-девице послано. Рождество на носу, а у них смотрины... Ведь весь праздник мне испоганят!

– Ну, это, так сказать, проблема дипломатическая. Милицию-то зачем вызывали?

– Ох и зануда ты, сыскной воевода... Да, может, мне тут поговорить по душам не с кем? Может, мне тут... Выпить хочешь?

– Не могу, на службе, – твёрдо отказался я.

– Ну и шут с тобой, а я в одиночку тоже не буду. Хотя и надо бы с устатку безмерного... – тяжело вздохнул государь. – Так, может, вечером заглянешь, а?

– Вечерком – пожалуйста, но напиваться не буду. Сегодня до заката кузнецы с ткачами на площади играют, придёте?

– Куда мне... Посольство запорожское вот-вот прибыть должно, договора пограничные обновлять надо. Бояре мне из терема и носу высунуть не дадут...

– Понимаю. А вот насчёт...

– Да не забыл я. – Горох мотнул головой в сторону небольшого настенного шкафчика. – Вон дверку-то открой да кубок чемпионский с собой забирай. В конце недели сам вручишь, мне уж недосуг будет...

Я подошёл к шкафчику и распахнул его...

– Нравится? – не оборачиваясь, продолжал царь. – Червонное золото, с чеканкой да эмальями, венецианской работы будет. А червончики я к нему самолично подбирал, новенькие, полновесные, один к одному! Ну чего молчишь-то, участковый?! Али от радости и речи благодарственные растерял?

...На полке было пусто. Горох встал, заглянул мне через плечо и ахнул...

* * *

– Стража-а-а-а! Все сюда! Перекрыть ходы-выходы! Хватать каждого подозрительного! Обыскивать всех подряд! Если через десять минут украденный кубок с червонцами не будет найден, я тут всем...

– Ты чего орёшь, участковый? – душевно подёргал меня за рукав царь.

Я обернулся, тяжело дыша от бурных страстей и кипящих эмоций.

– Как это... чего ору?! Но ведь кубок... его же нет!

– Всё спокойно, молодцы. – Горох улыбочиво отмахнулся от ворвавшихся в кабинет стрельцов. Парни недоверчиво огляделись, извинились и вышли вон. – Ну-ка сядь, Никита Иванович...

– Погодите, но ведь...

– Сядь, я тебе говорю! И не паникёрствуй тут! А то ишь нашёл время глотку драть... Люди же кругом! Одних иностранцев полон двор, а ты шумишь не по делу...

– Так у вас же кубок украли?! – несколько овладев собой, шёпотом просветил я. Теперь уже государь почти силой усадил меня на скамью и, как ребёнку малому, всучил печатный пряник, достав его из того же шкафчика.

– Да я разве с тобой спорю? Вот вчера только сам, своими руками его сюда ставил... Может, девки горничные куда передвинули? А может, и холопы стараньями усердными подалее от глаз завидующих припрятали, а мне доложить забыли? Да и сам я мог куда ни есть сунуть, голова-то кругом идёт... Так выпьем, что ли?

Я отрицательно покачал головой. Царь философски хмыкнул и предложил:

– Ну, будь по-твоему, украли его! Ты у нас пока не при деле гуляешь, вот и бери себе заботу на загривок – ищи вора. Но только чтоб тихо всё! Меня перед иностранными державами не позорь. Не след на весь мир трубить, что царя русского в его же тереме без спросу ограблениям подвергают, уразумел?

Пару минут я просто молчал, красный как рак. Давненько меня так не стыдили... Царь был абсолютно прав. Везде, во всём, до мелочей, а я... Нет, меня по большому счёту тоже можно понять – чемпионат же! Мне через неделю торжественно вручать победителям первых городских соревнований традиционный кубок, а он тью-тью! Свистнули, украли, стащили, спёрли, увели, приделали ноги, замотали, прикарманили, присвоили, угнали, оприходовали,

стибрили, национализировали, скоммуниздили, прихватизировали... короче, нет его! И самое главное, что милицейская интуиция во весь голос вопила – это именно кража! Так получается, что, по сути, ограблен не только царь, но и... я?!

В дверь постучали, кто-то из бояр спешил доложить о прибытии ко двору запорожских послов.

– Всё, пора мне, Никита Иванович, – хлопнул себя руками по коленям царь Горох, – следствие веда по собственному усмотрению, мне доклад каждый вечер представлять будешь. И чтоб ни одна живая душа на моём подворье о кубке похищенном знать не знала! Не ровён час, бояре опять альтернативное расследование затеют...

– Договорились. – Я встал, козырнул и направился к дверям. – Вы только... извините меня за глупую вспышку. Ребячество какое-то, сам от себя не ожидал...

– Прощаю, – важно кивнул государь. – Ну, трудись. Бог тебе в помощь, участковый.

Во двор я вылетел пулей. Успешно проталкиваясь сквозь разношёрстную толпу, меж чьих-то послов, кучеров, охранников, я так торопился, что даже едва не сбил высокорослую австрийскую принцессу. Влетел лбом прямо в её впечатляющее декольте и наверняка бы упал, если б не был подхвачен старым знакомцем Кнутом Гамсуновичем. Посол немецкого государя Фридриха заботливо придержал меня под локоток:

– Рад вас видеть, господин участковый! Надеюсь, дела лукошкинской милиции в полном порядке?

– Да, спасибо.

– Тогда позвольте представить вас фройляйн Лидии Адольфине Карпоффгаузен, – церемонно поклонился немец. – Битте, фройляйн, это есть начальник здешней полиции, герр Ивашов!

Австриячка вытянулась во фрунт, по-гусарски щёлкнув каблуками, и сунула мне руку под нос с такой отработанной грацией, что я едва избежал повторного

удара.

– А... очень приятно. – Мне удалось изобразить на лице дружбу двух сверхдержав и аккуратно пожать требующие поцелуя пальчики.

– Ви... есть... скрёмний рюсский... рейхсканцлер, я? – скосив глаза в карманный словари́к, уточнила царская невеста.

– Я? – не понял я (простите за тавтологию).

– Я, я... – хихикнул Кнут Гамсунович. – Герр Ивашов – лицо, приближённое к государю, и его влияние при царском дворе ни у кого не вызывает сомнений.

Практикующаяся в языке гостя на этот раз долго сверялась с книжкой и, наконец проникнувшись, повернулась ко мне:

– Будьём... дружить!

Это было сказано со значимостью двухстороннего вердикта.

– Ауф видерзейн, фройляйн. По-моему, вас ожидает Алекс Борр. Спешите, не стоит обострять отношения.

– Яволь! – Австриячка по-военному развернулась на каблуках и споро отбыла. Я кое-как выдохнул...

– Позвольте проводить вас, господин участковый?

– Буду рад компании, господин посол.

Шпицрутенберг, несмотря на вполне оправданную фамилию, был очень неплохим немцем и дипломатом со стажем. В памятном деле о Чёрной Мессе он проявил себя с лучшей стороны. Ну, может быть, чрезмерно педантичным и ничего не принимающим на веру типом, но умеющим признавать ошибки и активно добиваться их исправления. У нас сложились вполне товарищеские отношения, в особенности после того как сборная Немецкой слободы дважды едва не вырвалась в финал.

– Если бы наш вратарь не сломал себе ногу... Поверьте, Никита Иванович, «Святые отцы» ни за что бы не обошли нас на третьем круге!

– Да, приличную замену вашему повару на льду сразу не сыщешь... Как он?

– Лекарь сказал – не меньше двух недель постельного режима, – печально хлюпнул красным от мороза носом сухопарый немец. – А ваши стрельцы по-прежнему фавориты?

– Мм... шансы у ребят значительные...

– Я слышал, царь намеревался учредить свой кубок в награду.

– Откуда слышали? – как можно безразличней уточнил я.

– Кажется, кто-то из боярской думы громко рассуждал на тему непозволительных трат из государственной казны. А что, это важно для следствия?

– Нет. Ни капли... Совершенно не важно! Для какого ещё следствия? – невпопад заметался я.

Опытный работник дипломатической миссии ровно пожал плечами и вежливо переключился на другое:

– Неужели вон те крикливо одетые люди и есть знаменитые запорожцы? В просвещённой Европе такую моду сочли бы вульгарной...

– Казаки... – неопределённо протянул я. – По мнению историографов, их костюм складывался из вещей, добытых в набегах. Штаны – от турок, пиджаки – от венгров, шапки с цветным верхом – от поляков.

– Дикий народ... Но, говорят, необузданность нрава сочетается у них с истовой религиозностью, а ярость в бою – со щедростью души?

Я молча кивнул. Лично мне запорожская кавалькада очень даже нравилась. Их было человек тридцать, все на хороших лошадях, при полном параде, длинноусые, с кривыми саблями и картинно изогнутыми трубками. Впереди ехал совсем молоденький парень с бунчуком, а за ним дородный горбоносый казачина, одетый богаче всех. Его пшеничные усы спускались ниже подбородка, папаха с лиловым хвостом подпрыгивала на бритой макушке, а голубые глаза искрились чисто детским интересом. На секунду его цепкий взгляд задержался на моей фуражке, он что-то бросил на украинском, и вся делегация залилась рокочущим гоготом.

– Майн готт, неужели этот варвар позволяет себе насмешки над милицией?! – удивлённо вскинул брови Кнут Гамсунович. Я сплюнул под ноги и отправился в отделение, у меня были срочные дела...

* * *

– Ахти ж нам, Никитушка, да что ж ты такое говоришь-то! – причитала Яга, бегая по горнице из угла в угол. Мы с чёрным котом Василием сидели на скамейке, поджав ноги, попадаться под горячую руку никому не улыбалось. – Это ж какое беззаконие бесстыжее наяву деется?! Это ж не Гороха, не тебя, сокола участкового, это ж лиходеи весь город одним махом осиротили! Ох, не видать вредителям хоккейным суда правого, царского... Ить я ж за такое дело сама рукавчики позасучиваю да с клюкой наперевес пойду... И не стой на пути у бабушки-и!

Сунувшийся было в двери Митька, правильно оценив ситуацию, мгновенно дал задний ход, оставив после себя лишь облачко морозного пару.

– От ужо поверь мне, старой, это всё конкуренты твои устроили... Финалисты, чтоб им! Загодя кубок чемпионатский с червонцами царскими к себе оприходили, чтоб команда наша милицейская и при победе с носом осталась! А ну-козь напомни мне, Никитушка, кто у нас в этом деле персона самая заинтересованная?

– «Святые отцы», – тихо, по-подлому, предал я.

– Отец Кондрат, стало быть... – мстительно сощурилась бабка. – Пиши ему повестку, Никитушка! Сей же час пиши, а я сама и отнесу... И попрошу вежливо... и сопровожу, ежели что...

– Сопровожу, – машинально поправил я.

– Повестку пиши, Никитка, кому говорят?!

Мы переглянулись с котом. Василий неуверенно перекрестился правой передней лапой и, зажмурив глаза, дунул через всю горницу, по лестнице наверх, старательно сбив по пути ухват, пару горшков, табурет и плетёную корзину с вязаньем. Яга ахнула, обомлела и... осела на скамью, держась за сердце. Я приободрился – гроза прошла стороной, можно продолжать нормальную работу отделения. Как лицу начальственному мне разрешалось думать вслух.

– Итак, что мы, в сущности, имеем? В позитиве – практически ничего, а вот в негативе сразу два взаимоисключающих фактора – кражу и невозможность её официального расследования. Царский терем битком набит невестами, послами и шпионами (в принципе все три понятия взаимозаменяемы), следовательно, проводить розыск в привычной для милиции методе мы не имеем возможности. Бояре сожрут нас с сапогами, если мы только сунемся со своими расспросами в эту предпраздничную бучу. Даже сам Горох предпочёл бы даровать чемпионату новый кубок, а не подвергать огласке кражу прежнего. По сути, его требования вполне логичны, ибо иностранцы прибывают уже третий день и исключать их из числа подозреваемых просто глупо. Однако на кону опять-таки пресловутая честь милицейского мундира! Вопрос в том, как перепрыгнуть через голову и отыскать похищенный кубок за... кажется, неполные шесть дней, так? Ну, плюс-минус ещё два, если удастся потянуть с чемпионатом... Причём не поднимая ни малейшего шума ни в царском тереме, ни среди горожан. Дело на первый взгляд неброское... А вот теперь мне бы хотелось услышать точку зрения нашего эксперта-криминалиста. Вам слово, бабуля!

– Чёй-то... не в себе я, Никитушка... – осторожно протянула Яга. Бабке явно было стыдно за содеянное, хотя пострадать толком никто не успел. – Ты бы валерьяночки мне в чаёк накапал, а?

– Может, покрепче чего?

– Не, я при исполнении, – вскинула нос моя домохозяйка.

Где стоит глиняная баночка с валерианой, мне было известно, только вчера едва оттащил от неё упирающегося и пьяного в дюндель Василия. Кот давно прикладывался тайком, и хорошо, что я её всё-таки перепрятал. Плеснув валерианы в душистый липовый чай, Яга сделала два долгих глотка и, полуприкрыв глаза, откинулась спиной к тёплой печке.

– Извинений от меня не жди, участковый... Сама понимаю – не в себе была, а только правота моя в этом деле налицо! Шум да гам поднимать не будем, возьмёмся за расследование с тщанием превеликим... Версию же мою насчёт конкурентов со всех сторон просмотреть бы стоило пообстоятельнее!

– Хм... рациональное зерно здесь есть, – не стал спорить я, – однако для полного освещения картины не хотели бы вы прогуляться к месту преступления?

– А и съезжу-ка я, старая... – почти сразу же согласилась бабка. – До матча не обернусь, поди... Ну дак вроде игра нонче не особо интересная будет?

– Команды ниже среднего. (Это правда: кузнецы с ткачами отличаются скорее силой рук, а вот на льду стоят с чисто коровьей грацией.) Вы там посмотрите у Гороха, без лишних свидетелей, как, где, почему... Не думаю, что в краже замешана магия, но проверить всё-таки не мешает... Митька-а!

– Слушаюсь, воевода-батюшка! – тут же донеслось из сеней.

Я подождал, он, видимо, тоже...

– Митя, – чуть строже, с нажимом повторил я.

– Дак тут я весь! – охотно подтвердил наш младший сотрудник. – Как есть готов к исполнению на благо родного отделения и святого Отечества!

Я недоумённо взглянул на Бабу Ягу. Старуха засмушалась и сама открыла двери:

– Митенька, да ты не бойся, касатик, не трону я тебя... Вот ведь дура неразумная, вконец запугала мальчонку! Ну, иди, иди сюда, не заставляй

участкового в третий раз голос повышать.

Паренёк вошёл по частям, то есть сначала появилась голова, торопливо оглядев окрестности и подмигнув мне в знак радости видеть живым. Потом плечи и руки, ноги вошли последними. Собрав себя в одно молодцеватое целое, Дмитрий Лобов залихватски козырнул и выкатил грудь, ожидая начальственных указаний.

– К пустой голове руку не прикладывают, – дежурно напомнил я. – Отвезёшь бабулю к царю, она должна проверить... В общем, проконсультировать государя по некоторым личным вопросам. Дождёшься её во дворе и тем же порядком доставишь обратно. Да, в сани сена побольше положи и ковёр какой-нибудь...

– Уразумел. Не извольте беспокоиться, доставим как по маслицу, с ветерком!

– Митя, с каким ветерком? Зима на улице. Мороз в двадцать градусов!

– Виноват! – тут же покаялся он, подумал и уточнил: – А пока Бабушка Яга беседы с разговорами вести будет, мне-то чем там заняться?

– Да ничем... – пожал плечами я. – Походи туда-сюда, погрейся, невест царских посмотри, себя покажи. Ты же не на службе, а так... мелкое порученье.

Боже, если бы я тогда знал, КАК он его выполнит!.. Пока Яга собиралась, укутываясь так, что хоть на полюс без собачьей упряжки, доблестный Митя организовал стрельцов на запряжение кобылы в сани. Я всё планировал установить на дугу мигалку или хоть сирену на худой конец, но всё руки не доходили... Зато местные умельцы вывели на оглоблях большими буквами «МИЛИЦИЯ», щедро оформив текст жгучей хохломской росписью. Горело так, что за десять шагов глазам больно! Бабуля помахала на прощание, Митяй подобрал вожжи, свистнул, гикнул, и кобылка пошла бодрой рысцой.

Я вернулся в терем, налил себе чаю. Двое молодцов отправились на поиски Еремеева, а пока его нет, можно было не торопясь рассмотреть сложившуюся ситуацию. В принципе это дело разворачивалось не особенно ярко, поначалу я даже думал, что всё само утрясётся, но... Короче, Фома заявился примерно через полчаса, а основные проблемы начались почти сразу же после его прихода. По крайней мере в то же время, но не у нас, а в царском тереме...

* * *

– Фома, сядь! Сядь, Христа ради! Фома, ты же не ребёнок, не вынуждай меня на крайние меры...

– Да кто посмел, мать их с первачом да калачом, всей ярмаркой да под трёхрядку! Какая ж стервозина облепиховая, чтоб ей качалом по сусалам, с размаху да без промаху! Я ить всю сотню под ружьё подниму, не помилую, у меня тут всякой поверх хлебала так вразнос напотчуется, что к вечеру пять кубков с червонцами доставлены будут! Эй, ребятушки...

Я затыкал его силой. Другого выхода не было, история неумолимо двигалась по спирали, а если бы я ещё и Митьке рассказал... Помнится, Груздев с Псуровым весь город в подозреваемые записывали, так наш бугай и всё Лукошкино «заарестовать» не постесняется. Еремеев успокоился минут через десять, к возвращению Яги мы уже обсудили все основные моменты и договорились относительно планов совместных действий.

– Предупреди только самых опытных и неболтливых. Если в городе узнают о краже чемпионского кубка – на следствии можно ставить крест! Даже наша бабуля потребовала тут же взяться за финалистов. Так у нас здесь все команды передерутся на фиг... Благо клюшек у людей настругано – будь здоров! Так что имей в виду: всё расследование проводить в рамках жесточайшей секретности.

Фома понимающе покивал, что-то прикинул, глядя в потолок, и, пожав мне руку, отправился по делам службы. Я вышел было его проводить, и тут... Ей-богу, мы оба просто остолбенели на пороге – прямо через распахнутые стрельцами ворота с уханьем и скрипом влетели расписные милицейские сани, из которых к крылечку практически вывалилась пьяная в дрезину Яга! Такого я не видал ни-ког-да! Судя по отвисшей бороде Еремеева – он тоже... Мрачная, по причине полнейшей трезвости, морда Митьки только усиливала контраст. В ответ на мой изумлённый взгляд он хлопнул шапкой об колено и с горькой обидой объяснил:

– Царь-государь потчевать изволили! Шампанью франкскую на двоих распили. Самодержец сказал, кисло-де, а бабуля наша вдруг да и распробовала!

– А тебе почему не наливали? – с убийственной глупостью ляпнул я.

– Дык ить и я о том же! – едва не заревел наш умник. – Не уважают при дворе царском оперативных работников младшего звена... Я на морозе почитай не меньше часа вживую мёрз, девицам заморским да люду приезжему задарма советы добрые раздавал – и что?! Принесли двое бояр эксперта нашего, прямиком в руки швырнули, а сами бежать! Вот хоть бы рюмочку водки с таких трудов великих, так нет... И не пьянства же ради, а токмо для профилактики простудно-лёгочных заболеваний!

– М...митька, – опомнился я, подхватывая наконец бабку, – ты мне тут зубы не заговаривай. Ставь кобылу на место и марш в дом греться. А мы с Фомой... Да помощи же!

Еремеев захлопнул рот и вовремя подхватил бабку слева. Вдвоём мы подняли на треть уже лежащую в сугробе Ягу.

– Ми...ни...ки...ки...туш... – любовно проблеяла она, старательно пытаюсь одарить меня материнским поцелуем. – Дык... уж не трясись... м-ня, старую... Ить тока... чу-чу-чутошку и... и п...пригубила, но! В интересах следствия... Т-с-с-с!!!

– О нет! – сжал я зубы: повторялась Митькина версия, но в авторском исполнении нашей заслуженной домохозяйки. Мы занесли старушку в дом, сняли с неё валенки и шубейку, в остальном просто сгрузив её на большой топчан в бабкиной комнате. Фома накрыл сопящую труженицу тяжёлым лоскутным одеялом, а я осторожно прикрыл дверь. Судя по стойкому аромату настоящих французских вин, Яга будет спать долго... Еремеев тихохонько выперся из горницы, оставляя меня один на один со всеми проблемами. Что же, интересно, такого сверхважного сумела выяснить наша бабуля из того, чего не смог заметить я?.. Может быть, опять замешана магия? В их мире такие волшебные штучки – самое обычное дело. Привыкнуть к этому невозможно, мириться с этим трудно, бороться бессмысленно, но как-то сосуществовать необходимо. Мельком глянув на часы, я отметил, что до начала хоккейного матча остаётся не более десяти минут. В принципе моё присутствие на площади уже не требовалось: народ давно вызубрил правила, а из Шмулинсона действительно вышел толковый судья. Вроде бы можно и не ходить, но хотелось развеяться...

– Митька!

– Туточки, Никита Иванович! – мгновенно отозвались из сеней. – Где, какую службу опасную справить требуется?

– Никакой службы, – отрезал я, когда парень высунул голову в ожидании начальственных указаний. – Наоборот, за то, что справился с заданием, решено отметить тебя внеочередным поощрением. Хочешь со мной на хоккей?

Ответить он не успел. Только расплылся в счастливой детской улыбке от уха до уха, едва не пуская слюну, как со двора истерично донеслось:

– Казаки! Ка-за-ки-и-и!

Я непонимающе изогнул правую бровь.

– Ворота запирай! Заряжай пищали! Где Еремеев?! Навались, молодцы! Участкового, участкового зови!

В сени ворвался бледный стрелец с саблей наголо, безуспешно пытающийся совладать с языком:

– А... уж ты... ты... та-а-м...

– Кто это, Митя?

– Федька Заикин! На прошлой неделе из царского гарнизона в наше подразделение переведён.

– Та...ам ка...ка...за... ка...заки!

– И что, он всегда так?

– Не-а, тока ежели волнуется страшно. Ну, спросонья ещё или темноты боится, а так... ничего.

– Ка...ка...заки, гов...гов...ворю же, т...т...там!

– И это «ничего»?!

– Ну разве когда ещё сказать чего хочет... – явно заступаясь за бедолагу, успокоил Митяй. Я махнул на них рукой и пошёл разбираться. По двору перепуганными курами бегали храбрые еремеевские стрельцы. Дымились фитили у пищалей, матово сверкали клинки и бердыши, кто-то торопливо крестился, и большинство, кажется, уже было настроено на героическую кончину. При виде меня молодцы воспрянули, но на улицу не пустили:

– Охолонись, сыскной воевода, нельзя туда!

– Почему?

– Казаки там... – с благоговейным ужасом выдохнули стрельцы. – Уж ты не ходи, отец родной, мы за отделение все костыми поляжем, а не пропустим!

– Минуточку, я что-то...

– Не ходи, участковый! Забор надёжный, ворота тесовые, глядишь, до подхода Фомы Силыча и отмахемся...

Нет, ну маразм полнейший! Можно подумать, у нас в Лукошкине гражданская война перед Новым годом загромыхала...

Тем не менее, пока я дотопал до калитки, верный Митя резво взлетел на заскрипевший забор и, рухнув с него, завопил в голос:

– Не ходите, Никита Иванович! Там и взаправду страсть великая!

Обозвав сквозь зубы всех подряд паникёрами, я поправил фуражку и полез на ворота. Мать честная-а... Вся площадь перед отделением была заполнена всадниками. Площадь, кстати, махонькая, но человек двадцать конных на ней умещалось без проблем. Запорожцы налетели при полном вооружении – топорщились пики, сверкали изогнутые сабли, лошади били копытами... Сменный десяток стрельцов, выставив над воротами дула пищалей, готовился к недолгой, но славной обороне. Ситуация более чем напрягала... Слишком уж воинственными выглядели казаки и не менее решительно настроенными

стрельцы.

– Гэй, москали! А ну подать сюды вашого пана, бо его сам батька Чорный трэбуе! – выделился молоденький хохол в ярко-красном жупане, перепоясанном синим кушаком.

Прочие поддержали его гиканьем и пистолетной пальбой в воздух. Я чуть ли не матом рывкнул на своих, так как стрельцы с перепугу едва не ответили прицельным залпом.

– Гражданин запорожец! – В памяти мгновенно всплыл образ маленькой неуютной иномарки с мотором в багажнике. – Я начальник лукошкинского отделения милиции. Сейчас же прекратите дебош и толком объясните, что вам нужно. В противном случае...

– Хлопцы, та ж вин нам грозыть?! – аж вытаращил глаза паренёк, хватаясь за саблю. – Ой, у мэне ж серденько у пятки впало-о...

– Не рубай ёго, пан есаул! – расхохотались казаки. – Вин же москаль, вин дурный, чоловичьих слов нэ розумие...

Я почувствовал, как в мою ладонь тычется что-то жёсткое и холодное – бледный Митяй совал мне царскую саблю.

– А ну брысь отсюда!

– Не гоните за-ради Христа! Я вон и оглобелку для себя захватил... Ужо попомнят пепелище наше милицейское!

– Что ты несёшь, Митя?!

– А ну вилазь, пан участковый! – продолжал надрываться молодой есаул. – Не то зараз ворота знесём та вас, панове, нагайками до атамана погоним!

Я так и не понял, шутит этот парень или говорит всерьёз. Просто не успел понять, потому что с двух прилегающих улочек показались возбуждённые толпы народа. К нашему отделению шествовал весь кузнецкий квартал и ткацкая

слобода. Ругань и крики висели в морозном воздухе не замерзая. Уперевшись рогом в самонадеянных запорожцев, лукошкинцы на минутку замерли...

– Православные, милицию бьют! Ну помогите кто чем может...

Кажется, это прокричал Митька. Всё... уволью... поздно...

* * *

Согласитесь, на тот момент у меня были очень веские основания для его увольнения из штата. Я часто его увольнял... То есть это случалось и раньше... В горячке, в спешке, по делу, просто так, может быть, даже несправедливо... Но! За сегодняшний поступок его стоило просто расстрелять. Только так, и непременно без суда и следствия! Понимаю, что слышать такое из уст участкового несколько странно, но другие мысли тогда мою голову не занимали.

Двадцать с чем-то казачков развернули лошадей, отработавшим образом занимая круговую оборону. С двух сторон их теснили накупившиеся лукошкинцы с тяжёлыми клюшками в руках, а путь к отступлению перекрывал забор нашего отделения. Где пропадал Еремеев – ума не приложу! Я сам ни за что не сумел бы навести порядок, это только в сказочках драчуны разбегаются от одного осуждающего взгляда дяденьки милиционера... Но, чёрт побери, что же там могло довести горожан до такой точки кипения? Ведь если вдуматься, то соперники и одного тайма сыграть не успели...

– Дозвольте мне, Никита Иванович? – Я не сразу сообразил, какая сила снимает меня с ворот и вежливо сажает в сугроб. – Уж я-то обстановку криминальную за версту чую... Не след нам тут смертоубийство допускать, так ведь? Ну дак я сейчас с ними со всеми душевненько побеседую... Они у меня враз к консенсусу придут! Прибегут аж!

Ничего не могу сказать в своё оправдание – я молча сидел, как загипнотизированный кролик, глядя на Митьку, занимающего моё место. Быть может, даже на мгновение загордился его могучей фигурой в форменном милицейском тулупчике нараспашку...

– Граждане-господа-товарищи, чтоб вас! Пока царь Горох горькую пьёт от женитьбы неминуемой... Пока Бабуленька Ягуленька сны французские про красные мельницы откушивает... Пока Никита Иванович в сугробе сидит, судьбой нелёгкой поперёк фуражки пришибленный... Я – вам отец родной!

На минуточку действительно все заткнулись. Митька, толкающий речь в отделении, у нас уже в заливке сидит, а вот с моноспектаклями на большую, всенародную аудиторию он выходит редко...

– О казаках запорожских отдельный разговор будет. Они люди из степи приезжие, законов не знают, умываются через раз, культурному поведению отродясь не обучены... А остальные присутствующие почему нарушают?! Улицу перегородили, дубьё приволокли, нешто бить кого собрались? Нехорошо-о...

Народ потупился. Люди в Лукошкине отходчивые, даже казаки, прислушиваясь, сунули сабли в ножны. Я облегчённо выдохнул, как оказалось, рано...

– Нехорошо, без санкции-то... А вот с санкцией – самое милое дело! Щас я вам её быстренько спроворю, и покажем гостям запорожским, как со своим уставом по чужим монастырям шастать! Никита Иванович, так я нашим дозволяю, да? Санкция получе...

– А-а-а-а! – взвыл я, прыгая вертикально метра на полтора вверх. Не вру, ей-богу! Вцепившись обеими руками в воротник Митькиного тулупа, я сделал попытку подтянуться и насмерть загрызть провокатора, но не успел... Наш младший сотрудник потерял равновесие и вместе со мной рухнул в тот же злополучный сугроб. По счастью, я сверху... Будь внизу – там бы и задохнулся. Несколько минут промедления спасли всех: откуда-то набежали наконец еремеевские стрельцы, и сам Фома Силыч лично отгородил ретивых лукошкинцев от буйных казаков. Каковые, кстати, тоже поняли, что нахрапом здесь не возьмёшь, но старались по мере возможности «сохранить лицо». Когда я выбрался-таки за ворота, никто уже никому не угрожал. С кузнецами и ткачами разобрались быстро. Оказывается, матч меж двумя командами вообще не состоялся по причине необоснованной неявки главного судьи, гражданина Шмулинсона. Абрам Моисеевич загадочным образом исчез. Ни дома, ни в лавке его не было, и наиболее горячие головы тут же обвинили в этом своих соперников. За разъяснениями пошли в отделение – в вопросах хоккея я для горожан последняя инстанция... Пообещал разобраться, люди постепенно разошлись по домам.

За это время к казакам подъехал всадник на длинногривой рыжей кобыле. Я сразу узнал того самого человека, что был во главе запорожской делегации. Пан атаман Чорный выслушал молоденького есаула, при всех отвесил ему подзатыльник и быстренько отправил всю ораву обратно на Гостиный двор. Сам спрыгнул с седла, передал поводья кому-то из стрельцов и вразвалочку направился ко мне:

– Здоровеньки були, пане-добродию участковий. Поготорить треба, та тильки нэ при всих...

– Прошу в терем, – вежливо козырнул я, старательно игнорируя его насмешливый взгляд. Ой, ну можно подумать, я сам не знаю, как сейчас выгляжу... Весь в снегу, в фуражке набекрень, с планшеткой на спине, с носом красным от мороза!

Казак расправил усы и пошёл в дом. Я повернулся к Еремееву:

– Фома, будь другом, отправь десяток ребят на розыск Шмулинсона, второго такого судьи нам не найти.

– Дык разрешите посодействовать? У меня ж в деле ловли Абрама Моисеича передовой опыт есть, а? – радостно раздалось у меня за спиной. Я оборачивался медленно... Митя поднял руки вверх, проследил за моим взглядом, нашёл деревянную лопату у забора и опрометью бросился убирать снег с площади. Ближайшие два часа ему лучше не попадаться мне на глаза. А ведь тогда я ещё ничего не знал о его «добрых советах» царским невестам...

Пока пан атаман чинно крестился на иконы, меня в сенях двое стрельцов бодренько обтёрхали вениками. Бабка, судя по всему, беспробудно спала, её место в углу занял верный кот Василий. Уходить он явно не собирался, наверняка намереваясь доложить Яге все результаты наблюдения. Дай ему волю, он бы и платок на голову нацепил, и спицы в лапы взял, лишь бы не прогнали... Да ради бога, пусть хоть стенографирует, мне-то что?!

– Присаживайтесь, я весь внимание.

– Гарная хатка... – неторопливо начал запорожец, усаживаясь на скамью. – Одын живэш чи как?

– Квартирую.

– Ага... – отвлечённо покивал он. Создавалось впечатление, что мысли атамана витают где-то далеко, в отделение он зашёл, как случайный турист в музей противопожарной безопасности, и дела ему до меня ровным счётом никакого...

– Тут люди кажут, будто бы хозяйка твоя, не во гнев будь сказано, приходится слегка сродни чёрту?

– Гоголь, кузнец Вакула, «Ночь перед Рождеством»! – после секундного размышления угадал я. Казак непонимающе покосился, но смолчал, мало ли... Где-то в глубине души моя беспокойная совесть напомнила, что уж этого-то он точно не мог читать...

– Давайте знакомиться. Ивашов Никита Иванович, начальник местного отделения милиции... С кем имею честь беседовать?

– Левко Степанович Чорный. Полковник славного запорожского вийська, прихав до вашего государя с грамотой та дорогим подарком от нашего ясновельможного пана гетьмана Бандурки.

Мы обменялись торжественным рукопожатием. Я предложил поставить самовар, пан атаман скорчил брезгливую физиономию и выудил откуда-то из-за пазухи круглую кожаную флягу. Я пошарил по полкам, достал хлеб, миску с солёными грибами и одну гранёную стопку:

– На службе не пью.

– Добре, – не стал уговаривать Чорный, без стеснения налил себе, опрокинул и на мгновение прикрыл глаза, задержав дыхание. – Ох и гарную горилку з перцем гонят у нас на батьковщине... Грузди-то сам собирав?

– Стрельцов посылал, в полном составе, – подчёркнуто вежливо просветил я. – Итак, с чем пришли, гражданин полковник?

Вместо ответа он опять запустил руку за пазуху, в необъятные глубины своего парадного одеяния, выложив на стол небольшой, обитый красным бархатом ящик:

– Ось, бачь, пане-добродию участковий, цэ и е наш подарунок царю-государю от батьки гетьмана!

Я придвинул ящик к себе. По размеру в нём должен бы поместиться пионерский горн. Атаман молчал, уставясь задумчивым взглядом куда-то сквозь меня. Я осторожно откинул крышку...

Внутри ничего не было.

– Ну и?

– От и я кажу – ничего нема...

– А что было?

– Булава гетьманская, – чересчур равнодушно отвечивал Левко Степанович, неторопливо наливая себе по второму разу. – Уся из червонного золота, с камнями самоцветными, од турецкого султана у прошлomu роци з бою взятая.

– И где же она?

– Так от о том я тебе спросить и хочу! На Запорожье – була, в походе – була, в курене царском – теж була, а тилькы короб открыл – нема её! Який-то дьяк в дверях ховався, я его за шкуру да об стену – он и сболтнув, шо-де у вас, у москалей, ты на любого вора – наиперший ловец. Не сбрыхнул, а?

– М-м, ну... вообще-то действительно, кражи – это по нашей части, – вынужденно согласился я. Чёрт побери! У меня тут кубок пропал, финал на носу, как же не вовремя всё...

* * *

Честно говоря, особо полезной информации я от запорожского полковника не получил. Не то чтобы ему было что скрывать, просто зацепки ни одной... Возможно, там и вообще кражи не было – перепутали, переложили, перепрятали, да всё, что угодно! Обстоятельства исчезновения этой самой булавы тоже, знаете ли, весьма подозрительные. Она вроде бы бесследно растворилась в том самом красном ящике. Казаков поселили в отдельном крыле, сундук атамана находился под постоянным наблюдением. Посторонние люди к запорожцам вроде бы не заходили, участие своих полковник отметал начисто! Как видите... Да, собственно, здесь и видеть-то пока нечего. Разве что и это дело мы обязаны провести в атмосфере строжайшей секретности, ибо гетман Бандурка имеет свои цели от дипломатической миссии Чорного. С одной стороны, факт подарка запорожских казаков нашему государю свидетельствует о лишнем подтверждении надёжной охраны границ и создании боеспособной буферной зоны, принимающей на себя периодические удары беспокойных южных соседей. С другой позиции, если наш Горох эту булаву с благодарностью примет, то полковник получит для Запорожья весьма солидную политическую и материальную поддержку. Речь идёт о взаимовыгодном долгосрочном проекте: гуманитарной помощи, поставке оружия и формировании новых казачьих станиц по всем рубежам. Если булава не найдётся, пан атаман пустит себе пулю в висок, вернуться с пустыми руками к гетману он уже не сможет... Чорный сказал об этом легко и буднично, так, словно смерть не была для него трагедией. Опозоренное имя, невыполненный долг – повод для насмешек, несмываемое пятно на безукоризненной репутации воина и дипломата... К стыду моему, мне казалось непрактичным воспринимать такие вещи всерьёз, но у казаков свои законы чести.

...Вот так или почти так я рассуждал вслух (как оказалось, ещё и в полный голос), неторопливо прикидывая сложившуюся ситуацию за чашкой чая. Левко Степанович ушёл с полчаса назад, и Фома выделил двух ребят ему в провожатые. Никаких известий о пропавшем Шмулинсоне пока не поступало. Разве что кроме доклада о незыблемом спокойствии его супруги. Видимо, уж она знала, куда делся Абрам Моисеевич, но помогать следствию отказывалась категорически... Митька дрых в снях, он вообще укладывался спать часов в восемь вечера, но уж и вставал – с петухами! Кот Василий важно сидел напротив меня и слушал, не мигая. Я так и эдак пытался склонить его к откровенному разговору, но этот двуличный хитрец нагло притворялся обычным домашним животным. Хотя с Ягой болтает за милую душу! Правда, не знаю как... То ли он ей человеческим языком все дела объясняет, то ли бабка его мурлыканье на свой лад расшифровывать навострилась.

Первая депеша для «герр Лобофф» поступила в отделение где-то ближе к половине одиннадцатого. Как утверждали еремеевские стрельцы у ворот, подбежал человек, одет не по-нашему, сунул бумажку в руки, и бежать. Я с невнятным удивлением вскрыл небольшой конверт из плотной бумаги, вытащив лист с одним коротким заявлением: «Уважаемый герр Лобофф! Ваше предложение принято. Алекс Борр». Что, зачем, с чего, почему, на кой ляд и с какого бодуна – непонятно... Будить Митьку не стал, отложил разборки до утра.

Наутро стрельцы положили мне на стол шесть таких конвертиков! Что особенно умиляло – текст везде был примерно одинаков: кто-то там, по зрелом размышлении, принимал условия работы нашего младшего сотрудника и гарантировал соответствующую оплату. Я не взялся за него сразу только потому, что из своей спаленки, кряхтя и держась обеими руками за голову, кое-как выползла зелёная бабка. Да, да, не спорьте – зелёная, это именно то! Я бы даже сказал, бледно-зелёная с хорошим салатовым отливом...

– Никитушка-а... дай-кось сяду хоть. Ты... тока вопросами меня не мучай, ладушки?

– Не буду, – сочувственно пообещал я. – Особенных проблем пока всё равно нет... Может, чайку покрепче?

– Рассолу, – твёрдо определила Яга, – туда ещё валерьяночки плесни, пустырничку, ну и спирту муравьиного на меду пол-ложки сунь... Перцу красного, пороха щепоть, соли каменной, угольку тёртого... Да, ой! Головушка моя болезно-разнесчастная... Кардамону и анису не забудь, а ложкой не деревянной мешай, серебряно-ой!

– Бабуля, я всё понимаю, но вы уж помедленнее как-то... Я же не юный химик, такого тут понаворочаю – полтерема снесёт!

– Не смей старуху... и так помираю. – Выражение лица у нашей домохозяйки было такое страдальческое, что рыцарь Печального Образа удушился бы от зависти. Нет, кроме шуток, бабка у нас одна, мы её любим, а значит, бережём...

Я безропотно поднял полную кружку снадобья и, аккуратно размешав ложечкой, поставил перед Ягой. Она дрожащими руками попыталась приподнять «лекарство», не сумела, вытянула губы, но вовремя принялась:

– Никитушка-а... а дрожжи-то клал?

– Дрожжи? По-моему, вы не говорили...

– Говорила, – капризно всхлипнула бабка.

Я честно метнулся к печке, нашёл в каком-то замызганном горшке сухой дрожжевой порошок и от всего сердца сыпанул в бабулину кружку... Грохнул взрыв! Меня выбросило в сени, прямо на Митьку. (Я потому так спокойно рассказываю, что дверь была не заперта и, по-хорошему, мне страшно повезло: отделался лишь синяками.) Куда снесло Бабу Ягу – разглядеть не успел. На грохот, дрызг, гром, дрызг и прочие вынужденные спецэффекты сбежались стрельцы. Бабку нашли приклеенную к печке... Ей-богу, не вру! Когда мы её отлепили, на печи остался чёткий силуэт сорванной побелки. Однако первые слова нашей эксперт-криминалистки окончательно выбили меня из седла или, правильнее, добили! С трудом сфокусировав зрение и приведя глаза к единому знаменателю, Яга с чувством сказала:

– А ить радикулит-то прошёл!

По-моему, там все повалились от хохота, включая кота Василия... Как оказалось, я перелил анису, муравьиный спирт не успел до конца размешаться, а дрожжей надо было всего щепоточку. Больше меня к лабораторной работе не подпускали, ну и правильно...

Пока я набивал рот вчерашними творожниками со сметаной, Яга пунктуально докладывала о произведённом у царя расследовании:

– Колдовства нет. Кубок государев взят руками чистыми, никакими воровскими искусами не прикрашенными. Вошёл человек в кабинет царский, по докладу ли, по делу спешному али и вовсе случайно, глядь – на полочке кубок золотой стоит, поверх краёв червонцами насыпанный... Он его тут и покрал!

– Стоп, двери охраняются стрельцами, – едва прожёвывая, напомнил я, – случайный посетитель туда уж никак не забредёт. Да и потом, Горох хвастал, что кубок немаленький... Сантиметров пятьдесят в высоту, объёмом литра на полтора, добавьте эмаль и художественную работу, плюс тридцать пять червонцев царской чеканки – общий вес весьма приличный.

– Дык ясно как день – в кармане не унесёшь, за голенище не сунешь, вот разве за пазухой... – раздумчиво предположила Яга. – А только нет там колдовства, намёку даже нет. Уж ты поверь, Никитушка, у меня на такие дела нюх намётанный...

– Свои взяли?

– Вот про то не ведаю... Запаху там сейчас всякого хватает. Весь терем, от ворот до маковок, иноземным духом пропах. Есть вроде и приличный народ, а есть и такие, что я сама и на порог бы не пустила! Того гляди, стырят чего, прости господи...

– Мда, я-то, честно говоря, надеялся, что вы раздобыли какую-то особенно ценную информацию.

– Раздобыла, милок, как не раздобыть, – хитро прищурилась бабка и поманила пальцем: – Проведала я через допрос перекрёстный царя, стрельцов охранных да двух девок горничных, кто в комнатку государеву вчера до покражи хаживал!

– О! Вот это уже совсем другое дело, – повеселел я, дотягиваясь до лежащей на скамье планшетки, – диктуйте, бабушка, конспектирую...

– Ну так, чтоб не перепутать тока... ага... значит, знакомец наш, дьяк Филимон Груздев!

– Тьфу, зараза... ни одно дело у нас без него не обходится. Ладно, проходит как свидетель... Кто ещё?

– А... не помню.

Первоначально я решил, что она шутит.

– Ну, энтот был... как его... Опять же посол... чей-то, бояре были, вот тока которые... А, вспомнила! Девки говорили, кой-то шустрый там тёрся всё время. Тока кто... не знают они, мельком видели, вот...

Я молча захлопнул блокнот и сунул карандаш в планшетку. Бабка, насупясь, поджала губки... Время шло.

– Никитушка?

– Угу.

– Вот те крест, не буду больше с царём шампанею ихнюю распивать! Сперва приятно вроде, а наутро голова боли-и-т... И склероз вроде как обостряется...

– Да уж, дальше некуда.

– Но Филимона-то я точно помню!

– И на том спасибо...

Яга уже была готова обидеться, но ей на выручку вовремя впёрся Митька из сеней:

– А простите великодушно, Никита Иванович, вот стрельцы бают, будто мне письма какие по ночи пришли?

– Заходи, родной, заходи... – почти ласково пригласил я, делая самое доброе выражение лица. На что наш наивный дурачок и клюнул...

* * *

Когда, сопоставив Митькину исповедь с текстом писем, до меня дошло, в какую геенну огненную он втравил всё отделение... нет, я не удивился. Я всегда ждал чего-нибудь особо выдающегося в этом роде. Пьяным он приползал, на крыше

штанами висел, в петушином облике отрабатывал, с бандитами врукопашную дрался, целую улицу едва ли не до бунта сывороткой правды доводил, отставных любовниц царских переманивал, боже... чего он только не вытворял! Но самое ужасное, что в данном конкретном случае наше «ходячее несчастье» упорно пребывало в стопроцентной убеждённости правильности и даже необходимости собственного деяния! Я на него не наговариваю, судите сами...

– Митя, что значит «Ваши условия приняты, оплату гарантируем»?

– А вы откуль знаете? Неудобственно как-то письма-то чужие читать... Вдруг мне что личное али про любовь понаписано было?

– Там не про любовь, гражданин Лобов.

– Ой... а чёй-то вы так неласково глядите? И бабуля тоже...

– Да вы садитесь, гражданин, разговор будет долгим. – Я указал карандашиком на свободную скамью.

Митяй поднапрягся, закатил глаза, мысленно перебрал в уме все свои грехи за прошедшую неделю. Ничего такого, что могло вызвать столь официальный тон, припомнить не смог, а потому испугался ещё больше:

– Ну вот он я... сижу себе. Ругаться небось будете...

– Ругаться?! Поздно, Митя, это мы уже проходили. Лучше расскажи, честно глядя в глаза, каким образом ты добровольно предложил услуги промышленного и политического шпионажа представителям семи заинтересованных государств.

– Христопродавец... – еле слышно выдавила бабка.

До Митьки доходило медленнее. Он только в затылке почесал, чуть смутившись выпученных глаз Яги, и недоумённо обратился ко мне:

– Не знаю, не ведаю, о каком таком-сяком шпионаже вы речь вести изволите, Никита Иванович? А только дело было так... Раз уж настал такой час и нет мне боле веры... Коли свои же товарищи в харю мою без содрогания глядеть

не могут, скажу... Всё как есть скажу! Пусть не видать мне больше света белого, не топтать траву зелёную, не целовать девок красных, не...

– Бабушка, вызовите, пожалуйста, наряд стрельцов с пищалями – я его собственноручно у ворот расстреляю.

– Да чё я сделал-то?! – взвыл наконец Митенька, видя, что на нас его спектакль не действует. – Бабулю нашу до терема царского без аварий доставил, не опрокинул нигде! Под ручку до самых палат сопровождал, а уж в том, что она с государем напиться в стельку изволили, – в том моей вины нет! А ежели она по пьяному делу сболтнула чего...

– Зови стрельцов, Никитушка, – тихо попросила Яга, – тока расстрелом я сама командовать буду.

– Ну... был грех, – повесил голову наш младший сотрудник, – а только ничё особенного я энтим послам и не обещал вовсе... Вы ведь как приказывали? Бабулю дожидаясь, царских невест посмотреть, себя показать! Я и... показал во всей красе... Один чужеземец опариченный возьми да и ткни пальцем: дескать, что за шеврон на рукаве ношу? Я ему вежливенько так: мол, милиция лукошкинская – самого царя Гороха тайный сыск... Так он в энто слово прям как цепной пёс зубами вцепился! Вынь да и положи, почему тайный?! Ну я, как мог, обсказал о делах наших, о службе нелёгкой, о расследованиях дел преступных... На рассказ мой и другие иноземцы набежали, видно, складно у меня выходило... Собрались, слушают, вопросы разные задают, исключительно по существу! Тут первый вдруг и спроси: а правда ли, что государь с нами по всем вопросам советоваться ездит? Я говорю: а как же?! Мол, участковый наш, Никита Иванович, ему в энтих делах самый заглавный советчик и есть! Ну а он мне: дескать, хочешь гульден за информацию? Не-а, говорю... на фига он мне?! В кабак не пойдешь, семечек не купишь, кому у нас тут его гульден паршивый нужен? Вот ежели б пятак дали... Да я дале слушать не стал, пошёл на невест полюбоваться, тока ни одной и не видал... А уж вскоре бояре эксперта нашего пятками вперёд в сани загрузили. Информацию какую ни есть я запродать не успел. Да и не было её у меня... Вы вон тока подзатыльники давать горазды, а как информации чуток... А чё, не так-то?! Отделению не в убыток, а мне лишний пятак – только маменьку в деревне платочком новым порадовать! Один ведь я у неё, кровиночка...

Мы с Ягой долго молча и тупо смотрели друг на друга. Попытка вербовки сотрудника милиции вроде бы налицо, но брать на себя ещё и это дело – не было ни сил, ни желания. Митьку можно запереть и никуда из отделения не выпускать, но люди нужны, а он какой-никакой опыт имеет. На шее висят две свеженькие кражи, обе в режиме строжайшей секретности, значит, придётся дробить силы...

– Дык я пойду, что ли, Никита Иванович?

– Иди, Митя.

– А насчёт расстрела как?

– Не сегодня... давай потом, а?

– Ага, понял... Тогда, может, мне дровец наколоть, вроде заканчивались, да и баньку истопить к вечеру?

– Угу, действуй, согласно штатному расписанию, – меланхолично приказал я. – Только со двора никуда не ходи.

– Почему же?

– В полено превращу, – так же задумчиво сообщила Яга.

Митька скосил на неё глаза, подумал и решил не рисковать.

– Тогда понятненько, ежели в полено, чего ж тут не разобрать... Разрешите исполнять?

– Пшёл вон... – в один голос благословили мы. Яга завозилась с самоваром, я без суеты подготовил список всех послов и дипломатов, приславших свои конвертики с согласием нашему телёнку. Боже, ума не приложу, какую конкретно информацию он собирался им вруливать за пять копеек?! Шпион мирового сообщества! Джеймс Бонд, made in Podberiozovka!

– Не серчай на дурачка, Никитушка. Глядишь, всё это дело к нам и хорошей стороной обернётся. Ить, сам знаешь, нет худа без добра.

– Поясните, пожалуйста... – устало попросил я, садясь за накрытый стол. Долго пребывать в заторможенном состоянии не позволяла служба, чуток расслабился, пожалел сам себя – и за работу! Бабка в этом плане – кремень-старушка! Уж сколько ей лет, не спрашивал, а любому из наших молодцов фору даст. Я поближе придвинул блюдо с ватрушками... Яга, поправляя выбившуюся кудель, села напротив.

– Я вот что удумала, милок... Раз уж иноземцы энти так секретами нашими интересуются, так не они ли к государевым покражам руку приложили?

– А смысл? – философски прочавкал я. – К чему французам, полякам или австрийцам хоккейный кубок Лукошкина?..

– Так за-ради смуты народной! – лихо парировала Яга. – Опять же золотой он и с червонцами царскими немалых денег потянет. Им же, европейцам энтим, тока дай чего у русского народу спереть!

– Мм... вообще-то да... Правда, в моё время больше ориентировались на нефть, газ и алюминий.

– Вот видишь, – торжествующе плеснула заварку мимо чашки моя домохозяйка. – Щас вытру...

– Тогда кто же взял гетманскую булаву?

– Какую булаву?

Я хлопнул себя ладонью по лбу – опять ничего не успел ей рассказать... Повесть о казацких наездах, отмене игры, исчезновении Шмулинсона и разговоре с полковником Чорным заняла минут двадцать. Бабка любила подробности и требовала пересказа в лицах, я старался, как мог, чай давно остыл, а до прихода Еремеева стоило определиться с направлением хода исследований.

– Ох, чую я, сокол ты наш участковый, разными тропочками мы с тобой пойдём... Раз уж сразу два сверхсекретных дела на нашу милицию навалилось, стало быть, по одному и брать надо... А иначе к срокам никак не поспеть!

– Дробить силы отделения? – уныло заключил я; ведь самое обидное, что так и придётся поступить. Хотя времени на особое рассусоливание нам всё равно не дали: из сеней высунулся достопамятный стрелец Фёдор Заикин:

– До...до... доз...воль...те?

– Дозволяю, докладывай.

– Ты... та...та...мма, де...

– Тамаде?! – не понял я.

– Де...дело сп...пешн...н...ное, – вывернулся он, стараясь ещё и жестикулировать, – ца. а...

– Дело спешное, царское?! – угадали мы с Ягой. Стрелец счастливо закивал. – Зови!

* * *

...А вот звать-то никого не пришлось, нарочный от государя передал, что Горох сей же час требует немедленного появления на его подворье всей опергруппы лукошкинской милиции. По словам того же посыльного, якобы для внеочередного одарения пряниками... Ох и достали же они меня своей душевной простотой!

– Надо ехать, Никитушка, – торопливо засобиравлась бабка.

– И Митьку тоже брать?

– А как же! Ить сказано же, всей опергруппой, значит, всех троих царь-батюшка лицезреть изволит. Поспешай, касатик, не ровён час, разгневается государь,

да и пошлёт всех нас...

– Куда? – привычно буркнул я, честно говоря, и самому уже хотелось кого-нибудь послать.

– На плаху! – Другие места, доступные моему вульгарному воображению, Бабе Яге на ум не приходили.

Впрочем, собрался я быстро. Митяя оторвали от общественно полезных работ, и все трое уселись в присланные за нами розвальни.

Нарочный стрелец скакал верхом чуть впереди, помахивая плетью и покрикивая на зазевавшихся пешеходов. Денёк был просто сказочный! Мороз и солнце, как справедливо отметил Александр Сергеевич Пушкин. Ни за что не вспомню это замечательное стихотворение целиком, но общий смысл, кажется, в том, что погода прелесть и по такому случаю не грех опрокинуть кружечку в хорошей компании. Или я что-то путаю и это из другого стихотворения? Пожалуй, действительно стоит ближе к вечеру убедить бабку открыть бутылочку какой-нибудь медовой настойки. Исключительно с лечебными целями! Что-то уж очень я нервничаю из-за этого проклятого кубка... Нельзя так, надо мыслить абстрактно, отвлечённо, позитивно и близко к сердцу ничьих проблем не принимать. Чёрт, но в данный-то момент проблемы мои собственные!

Царь встретил нас троих в памятных палатах, которые я про себя окрестил Овальным кабинетом. Горох внешне совершенно не похож на Билла Клинтона, но своих очередных пассий предпочитал принимать именно здесь. Маленькое окошечко с геранью, две резные лавочки, стены в цветочном орнаменте, шкафчик с вином и сладостями, а в дальнем углу – дверь, ведущая непосредственно в спальню.

– Ох ты ж, какие знатные гости пожаловали! Сам Никита Иванович – лихой сыскай воевода, да Бабушка Яга – эксперт зело сведущий, а тут ещё и богатырь наш хоробрый Дмитрий Лобов зашел, не поленился. Вся моя разлюбезная опергруппа при полном составе!

– Здравствуйте, – привычно козырнул я, бабка и Митяй почтительно поклонились в пояс. Они перед царём робеют... Видимо, исключительно по привычке, так-то им обоим с государем не один раз лаптем щи хлебать приходилось. Оп!

Периодически ловлю себя на том, как перенимаю у местных жителей их жаргон и манеру речи. Что поделаешь, среда общения... Ещё пара лет, и я буду разговаривать с преступниками в классическом стиле русских народных сказок из собрания Афанасьева.

– Да вы уж присядьте, не чинитесь! Ежели не так что, не обессудьте, чем богаты... Вот у меня тут мадера испанская оставалась, прянички тульские, утицами да медведями выпеченные... От и ёжик один нашёлся! Кому ёжика пряничного, сахарного, медового, незачерствелого?! А не хотите мадеры, так я прикажу ещё какого винца...

Мы трое обменялись непонимающими взглядами: явление такого суетливо-заботливо-хлебосольного Гороха было событием паранормальным. Это понял даже Митька, осторожненько подавший голос:

– Случилось чего, надёжа государь?

– С чегой-то вдруг?! – визгливо хихикнул царь, едва не роняя на пол гору липких печатных пряников.

– Ведёте себя так, словно на охоте берёзу лбом свалили, – корректно пояснил я и, взяв государя за плечи, препроводил его на скамью. Мои сотруднички резво подвинулись, освобождая место.

Горох переводил беспомощный взгляд с меня на бабуку, на Митьку, опять на меня, потом его губы задрожали, руки опустились, и злосчастные пряники дробно раскатились по полу.

– Хана мне...

– Чувствуется, но шутки в сторону. Если вы пригласили сюда всю опергруппу, следовательно, дело невероятно серьёзное. Возьмите себя в руки и как можно подробнее расскажите, что же всё-таки произошло.

– Злата Збышковская из Крякова преставилась.

Теперь уж охнули все мы: я, Яга и Митька. Государь покосился на нас, траурно кивнул и перекрестился.

– Как... это произошло?

– Не ведаю... но я... не я это...

– Не понял? – От удивления у меня едва не пропал голос. – Что значит не ведаете?! И что значит не вы?!!

– Никитушка, окстись! Не мог же царь-батюшка сам на свою невесту до смотрин руку поднять, – вступилась бабуля и осеклась. – Хотя... кто ж вас, мужиков, разберёт? Ты ить, батенька, у нас во гневе горяч, может, и в самом деле того... а там уж и...

У царя отвисла челюсть, а Митя, пользуясь общим замешательством, тут же угостил всех очередной печальной историей из цикла деревенских страшилок.

– Как щас помню, у соседа нашего дочка была молоденькая, Монькой звали. Уж на что любила сказки слушать – страсть... А за деревенькой нашей цыганский табор каждый летом останавливался. Так, знамо дело, где цыгане, там и песни, и пляски, и сказок волшебственных полны кибитки! Вот Монька одного цыгана всем сердцем и заслушалась... А он-то, старый пень, на вид страшной самого чёрта – больной, хромой, да ещё и чёрен, аки мавр африканский! Но уж до того складно истории чудесные про свои несчастья складывал, что любо-дорого послушать... Вот и пошла промеж ними разлюбезная любовь – не скроешь, не спрячешь, в сундук не сунешь, а и на люди выйти тоже боязно, как есть куры засмеют... Мы уж, деревенские, собирались под энто дело пойтить цыганам морды набекрень воротить, да тут и без нас трагедия нарисовалась... Был в ихнем таборе поганый конокрадишко, Яшка Свищ! Так вот и он положил глаз свой чёрный на нашу Монюшку... Упёр он у ей платочек розовый, да и...

– Старого цыгана звали Отелло?

– Не-а... Отька его звали, а прозвище Черномазый! – охотно откликнулся Митяй, в его глазах я был самым внимательным слушателем, раз задавал вопросы.

– Дальше можешь не продолжать, как я понимаю, данное криминальное повествование тоже было безбожно уворовано у вас злокозненным плагиатором Шекспиром?

– Ну пусть доскажет, Никитушка, – жалобно попросила Яга, – уж больно за сердце берёт история энта печальственная... Интересно же!

– Ничего интересного, Отелло из ревности задушил Дездемону, потом покончил самоубийством, а подлого Яго, кажется, казнили. Если вопросов больше нет, давайте отвлечёмся и вернёмся-таки к нашим прямым обязанностям, – сурово предложил я. – Как понимаю, у нас тут в тереме свеженький труп?

– Какой труп? – поднял испуганно глаза Горох.

– Как это какой?! Польской принцессы, гражданки Златы Збышковской из Крякова, – напомнил я.

Государь встал, почесал в затылке и, грозно уперев руки в бока, возвысил голос:

– Ты это чего несёшь, участковый?! Ты тут говори, да не заговаривайся! С какого рожна тебе в башку стукнуло, будто померла она?!!

– Да вы же сами сказали! Только что! – На мгновение мне показалось, что у царя провалы в памяти или же он от горя чуточку спятил. Судя по лицам Яги и Митьки, они вполне разделяли моё мнение.

– Ах вот ты о чём... – облегчённо улыбнулся Горох. – Дак не померла она, я ж тебе русским языком говорю – преставилась! Понял, нет?

Скорее всего, я ничего не понял. Пришлось требовать дополнительных объяснений, снисходя до умственного уровня работников милиции...

* * *

Митьку оставили на лавочке сторожить вход; там, конечно, стрельцы охраняют, но... бережёного бог бережёт. Мы с Бабой Ягой, плечом к плечу, стояли в той

самой маленькой спальне государя, где на широкой кровати лежала бледная как смерть уроженка свободолюбивой Польши. Одного взгляда на девушку было достаточно для того, чтобы понять – на этом свете она более не жилец.

Но и не труп, как ни парадоксально... Перед нами лежала изящная блондинка в европейском платье с глубоким декольте и открытыми плечами. Лицо белое, с синеватыми веками...

– Дыхание слабёхонькое, рученьки холодные, реснички чуть дрожат, – неторопливо констатировала Яга, бочком перемещаясь от изголовья к ногам, – коленоньки судорогой не сведённые, пятки мягонькие, мизинцы гнутся...

– Гнутся?! – с самым глубокомысленным видом переспросил я, методично ведя запись.

– Гнутся, – весомо подтвердила бабка, укоризненно оборачиваясь к маячившему в дверях Гороху. Тот страшно покраснел, истово перекрестился и, неизвестно от чего отказываясь, отрицательно помотал головой.

– Ваше резюме, бабушка?

– Где?! – охнула Яга, краснея не хуже Гороха и быстренько проверяя, не расстегнулась ли какая пуговка.

– Э-э... ваше мнение о случившемся как специалиста? – изысканно выкрутился я.

– Ах вон ты о чём... – Бабуля бодро вскинула крючковатый нос и, победно глянув на царя, продолжила: – Все признаки смерти у принцессы данной имеются, а тока самой смертушки и нет пока. Лежит гражданка Збышковская из Крякова, ровно колода бесполезная, нездешним ядом травленная. И лежать ей так, покуда...

– Не так быстро, я записываю. Поконкретнее, что за яд, какие признаки и последствия?

– Ну что ж я тебе, соколик, сказать-то могу... – несколько поднасупилась Яга, но, со скрипом поковыряв у себя в ухе, всё же пришла к однозначному решению: – Яд – иноземный! Из трав да порошков каменных составленный, вкуса не имеет,

а запахом... ровно яблоко зелёное будет. А уж как духмяно пахнет...

Опустив взгляд в блокнот, я краем глаза отметил что-то желто-зелёное, валяющееся у дальней ножки кровати. Жестом прервав нашего эксперта, опустил на колени, пошарил и достал совершенно свеженький огрызок. То есть не очень запылившуюся четвертинку недоеденного яблока!

– Оно?

– Дай-кось погляжу... Оно самое! – удовлетворённо причмокнула Яга. – Видать, не сразу за сердце берёт, вона скоко Златка энта понаобкусывать-то успела. Берём с собой аки улику важную! Может, пригодится ещё...

– Разумеется, а теперь вы, царь-батюшка...

– Чего это я?! – Горох продолжал топтаться у двери, подпирая спиной косяк. – Не я это...

– Хорошо, проверим. Но у меня несколько другой вопрос – как именно здесь оказалась пострадавшая?

– Ну как? Как все! Поговорить зашла, мы и сели, вон кровати на краешек... Чё-то про политику мою европейскую ей интересно было, а я и...

– Угу, так и запишем, – спокойно согласился я, а Горох вдруг ни с того ни с сего ударился в совершенно неуправляемую истерику:

– Ах вот ты как?! Вот как, значит... Я-то думал, ты мне друг, а ты... Запишет он?! Да пиши! Всё пиши, не жалко... Можно подумать, я тут дитё малое?! Сама она пришла! И на кровать сама полезла! И с поцелуйчиками тоже набивалась бесстыже... А я её вот настолько даже пальчиком не тронул! И платье у неё само сползло, само, само-о...

– Так и успокойтесь, пожалуйста.

– Да, вот так я тебе и успокоился! Писака какой тут нашёлся... Я царь али не царь?! Я... мужчина, в конце концов, али кто?! И ведь нет чтоб помочь,

поддержать... Пишет он!!!

Пришлось звать на помощь бабку и с её помощью кое-как приводить государя в норму. После долгих уговоров, объяснений, взаимных извинений и прощений удалось выяснить следующее. Златка Збышковская действительно проникла в гороховский кабинет с одной ей известной целью (хотя царь утверждал, что уж ему-то эта цель тоже хорошо известна!). В результате достаточно фривольного разговора ошарашенный непрозрачными намёками Горох помчался предупреждать стрельцов и запирает двери, но задержался, выпихивая дьяка Филимона с очередным докладом. Этот памятный блюститель нравственности опять лез, куда не просят, чем довёл государя до определённой степени белого каления. А когда наш любвеобильный самодержец наконец вернулся, то застал несчастную уже в нетранспортабельном состоянии... Как он припоминал, вроде бы поначалу у неё действительно было в пальчиках то ли яблоко, то ли репка. После короткого шока и безуспешных попыток искусственного дыхания Горох благоразумно взял себя в руки и, спокойненько выйдя к стрельцам, срочно затребовал к себе опергруппу. А до нашего приезда сидел как на иголках, с великого перепугу даже не высывая носу из кабинета. Что и говорить, все косвенные улики были против него... Не думаю, чтобы Европейское содружество долго искало виноватого, но мы успели вовремя.

– Значит, никто пока ничего не знает?

– Ни одна живая душа, – клятвенно заверил государь. – А ежели дьяк Филька о чём проболтается, так я его прямо сей же час велю на кол посадить!

– Так он же пока ничего не понял...

– Так нешто мне ждать, пока поймёт?! Сразу на кол – ради профилактики!

– Вы бы кроме этого слова выучили ещё и правильное понимание законности, правопорядка и презумпции невиновности! – поугрожал я, хотя Горох уже забыл о вездесущем дьяке, переключаясь сугубо на собственные проблемы. – Ладно, предлагаю тело польской принцессы пока никуда не переносить, ничего не трогать и лишнего шума не поднимать. Кстати, она одна приехала?

– С ней двое шляхтичей, – припомнил царь, – то ли охрана, то ли братья двоюродные, то ли вообще конюх с лакеем... Они ж там, в своём Крякове, большой свиты себе позволить не могут. Страна обильная, да жители ленивы и кроме рокошей да сливянки других утех не имеют. Но уж гонору... на три воза поперед кобылы поставят!

– Отлично, заprite этих бравых парней в ближайшем трактире, и надолго. Теперь вы, бабуля... Есть ли в вашем аптекарском ассортименте что-либо, способное вернуть пострадавшую к активной общественной жизни?

– Ну-у... тут ить и не скажешь сразу... – наморщив лоб, призадумалась Яга. – Нашатырь в нос совать – проку нет, солью нюхательной тоже не подымешь небось... Что и присоветовать, не ведаю. Вот рази... есть способ один, дюже древний, но девицы от него прямиком из гроба встают!

– Что за способ?! – с надеждой взвыл государь.

Я только улыбнулся, подняв взгляд к потолку. В конце концов, все мы в детстве читали сказки...

* * *

Мне почему-то показалось, что мы покончим с этим быстро... Видимо, сработал здоровый инстинкт самосохранения, оберегающий организм от перегрузок, – у нас и так два дела, брать третье – просто рук не хватит! Увы, все сегодняшние проблемы были ещё цветочками, а ягодки традиционно ожидали нас в обозримой дали. Нет, всё можно пережить, со всем справиться, когда тебя окружают верные друзья и союзники, а этот... с позволения сказать, младший сотрудник устроил такой рёв – хоть святых выноси!

– Не буду я её целовать! Не буду-у-у...

– Митя, успокойся. Ничего страшного не происходит...

– Не могу, не хочу, не буду! Лучше сразу покарайте суровой рукой моих же товарищей, а токмо целовать гражданку покойную я категорически отказываюсь и на этом стоять стану, аки Иов супротив...

– Бабушка, у кого он успел таких длинных фраз нахвататься?! Да прекрати же вырываться, дубина несознательная! Можно подумать, мы от тебя тут чёрт-те чего требуем...

– Боюсь я!!! – Митька вопил уже в полный голос, но предупреждённые стрельцы добросовестно отгоняли от царского кабинета всех, желающих посочувствовать. – Слыханное ли дело, парня молодого, неженатого, заставлять девку мёртвую в губы целовать?!

– И что ж ты, неслух, книжек-то не читаешь? – попыталась вклиниться бабка. – Во всех сказках сказано – наипервейшее энто средство от яблок травленых – принцессу в губки отчмокать! Да жалко тебе, что ли?! Принцесса всё ж таки...

– Вот пусть её принцы да королевичи и чмокают, а я мальчонка простой, деревенский, работой умственной не загруженный, в происхождении аристократическом не замеченный... Не буду целовать! И без меня охотнички найдутся...

– Ах ты, клещ подосиновый... – тихо закипая, встрял Горох. – Я, царь, целовал, не побрезговал... А твоя харя простонародная мне и посодействовать отказывается? На кол посажу! Нет, на столб верстовой, чтоб заметней было! И на том же столбе велю тебя взад сюда возвернуть, покуда принцессу не поцелуешь!

– Митя, ну неудобно же, в самом деле, – поспешил вмешаться я, так как у государя действительно не застрянет. – Три взрослых человека тебя уговаривают, а? У царя не получилось, у меня тоже, может, твой поцелуй решит судьбу всего следствия! Я даже не приказываю, я – прошу. Плюнь, поцелуй и отвяжись!

– Бог вам судья... – скорбно заметил Митяй и, повесив голову, склонился над телом Златки Збышковой из польского Крякова.

Короткий чмок... и все облегчённо выдохнули.

Господи, сколько нервов мы на него убили, Ты видел, Ты не осудишь... Только вот практический результат, как и прежде, – на нуле! Несмотря на то что

к упругим губкам принцессы приложились мы трое, злобные чары так и не были развеяны. Во всяком случае, традиционного хеппи-энда не произошло. Баба Яга в целях чистоты эксперимента потребовала было, чтобы мы все прошлись по второму разу, но лично я встал в позицию. Нет, ну в самом деле, я тут лейтенант милиции или кролик подопытный? Царь тоже упёрся рогом и, неизвестно перед кем оправдываясь, бурчал себе под нос, что ему эта Златка никогда и не нравилась особенно, что у него других невест полно, Европа ему вообще не указ и что-то ещё в том же текстовом режиме...

Пришлось махнуть рукой, скорбные размышления вконец обленившегося милиционера всегда печальны. После шумного дела о летучем корабле любой отдых казался недостаточным. Я искренне надеялся, подобно бурому медведю, взять отпуск на всю зиму, занять народ хоккеем и со спокойной душой ничего не делать вплоть до самой весны. Не дали... мало того, вместо одного преступления удружили сразу три. Ну, положим, дело о царском кубке я никому не отдам, труп – не труп прекрасной полячки возьмёт на себя Баба Яга, а уж с казаками, видимо, придётся возиться нашему Митьке. Да, да, да... сам понимаю, а что делать?! Людей нет. У Еремеева свои задачи, Горох занят по маковку (оно и к лучшему!), не дьяка же Фильку к содействию приглашать... Я самодовольно улыбнулся, вспоминая, как мы «умыли» альтернативное следствие.

– Ты чему это радуешься, участковый?! Я, чай, тебя не за тем в терем звал, чтоб ты мне здесь улыбки разлюбезные строил! Я, между прочим, всё ещё царь и не посмотрю тут...

– Вы, между прочим, главный подозреваемый, – терпеливо напомнил я, и государь сразу прихлопнул варежку. – Довольно лирики, постараемся рассмотреть сложившуюся проблему в режиме отвлеченного взгляда со стороны. Что мы имеем? Женское тело, находящееся в заторможенном состоянии, с ослабленными признаками жизни и всеми симптомами пищевого отравления. Попытки оказания экстренной медицинской помощи желаемого результата не дали... Митя! Прекрати и отойди от девушки! Простите, отвлёкся... Но отрицательный результат – это уже что-то. Предлагаю выслушать мнение нашего эксперта.

– Экспертиза показала, что средство моё верное! – уверенно начала бабка. – Доподлинно известно и всеми сказками подтверждено, что, ежели девицу, яблоком ядовитым травленную, добрый молодец, да без дрожи в коленях, прямо

в уста сахарные поцелует, – та сей же час и встанет! Обычно ещё и краше, чем была... Чистоты эксперименту ради, а также для случая пожарного мы аж троих мужиков через энто дело пропустили. Митенька! Ну сказано же тебе было, оставь девушку в покое... Брысь! Во грех меня вводит, неслух... Так вот, ежели лекарство моё своей цели достигнуть не умеет, то либо молодцы не те, либо девушка – не девица...

– Это как же понимать?! – снова очнулся Горох, поняв, что и ему демократично предоставили слово. – Нешто я тут не молодец?! Нешто у Никиты Ивановича по мужской справе проблемы болтаются?! Нешто Митька ваш... Митька! Да отойдёшь ли ты наконец от гроба?! Тьфу ты, прости господи, что ж я говорю-то такое...

Переглянувшись, мы без суеты провели слагаемые, прибавили двух смазливых кузенов-шляхтичей, прикинули время на дорогу из Польши в Россию и сделали соответствующие выводы. После чего грянули уже хором:

– Митька-а-а!!!

– Ась? – наконец отозвался он, оттопыривая правое ухо. Под гнётом трёх осуждающих взглядов наш младший сотрудник засмутился, обтёр вспотевшие ладони об рубаху и прекратил-таки навязчивое расцеловывание бессознательной гражданки из Крякова. – Не... не просыпается никак. Я уж во рвении служебном и в губки, и в щёчку, и в ушко, и в шейку, и во плечико белое, и... ну, насколько платье ейное позволяло, так не фурычит, зараза! Вона, даже ни разу не всхлипнула сладострастенно... Не порядок энто, не по-добрсоседски. А вот ежели я, к примеру...

– Нет, Митя, – твёрдо объявил я, делая нажим на первое слово. – Ни в какие другие места польскую гражданку целовать больше не надо! В свете сложившейся обстановки у меня будет для тебя другое задание.

– Опасное небось? – недоверчиво шмыгнул он.

– Крайне! – значимо подтвердил я. На этот раз мне приходилось говорить парню чистую правду – для него действительно было другое задание.

...В отделение вернулись без приключений. Может быть, не считая того, что на углу Базарной и Литейной нас обкидали снежками какие-то мелкие шкеты. Митяй рвался из саней мстить на месте, и я почти было его отпустил, но Яга нас вовремя пристыдила. Ей, конечно, упрекать легко, она снежком по затылку не схлопотала, но в принципе бабка была права на все сто. Если ко всем нашим делам ещё и тинейджеров по улицам гонять, нас народ на смех поднимет. Итак, раскинем ситуацию на троих...

* * *

– Шмулинсон не пробежал? – прямо из саней крикнул я. Стрельцы, распахивая ворота, печально покачали головами. Плохо дело... Вчерашний матч сорван; если к вечеру Абрам Моисеевич не отыщется, придётся судить игру самому, а я занят.

– Никитушка, пойдём-ка в терем, – позвала Яга, устало поднимаясь на крыльцо. – Есть у меня пара версий насчёт принцессы польской, посоветаться бы надо...

– И у меня есть! Ажно цельных четыре! – обрадовался Митька, загибая пальцы. – Конкурентное мордобитие, политичное смертоубийство, коммерсантовская разборка и любвеобильная ревность, во!

– А ты, Митенька, шёл бы баньку топить, – тепло посоветовала бабка. – Участковому нашему не грех бы парком ядрёным взбодриться. А там уж и за стол, ить время-то к обеду. Да, баньку угольком топи, пламя жарче будет и подольше хватит...

– Как скажете, бабуленька! Сей же час всё исполню, а для себя с устатку великого попрошу лишь плюшечку малую али ватрушечку творожную, пирожок мясной либо блинков пару, а нет, так и баранкой маковой удовлетвориться попробую. Ить не бог весть чего прошу-то, не слона печёного, а так, мелочь несерьёзную, на один зуб положить да другим и...

Яга выгнула бровь и так цыкнула своим знаменитым кривым клыком слева, что наш болтун пулей унёсся к угольному ларю. Грустные, пораженческие мысли давно покинули мою милицейскую голову, и я был полон решимости разом взяться за все проблемы. Пока бабка чего-то там шныряла по полкам, мы с котом Василием разбирали почту сегодняшнего дня. Да, да, в последние месяцы народ

лукошкинский активно ударился в эпистолярный жанр. Видимо, всё дело в холодах... Люди реже выходят из дома, а темнеет рано, вот в качестве развлечения и приходится писать в отделение всякие доносы и доклады (поверьте, я к этому никого не обязывал, честное слово... Даже не намекал!). В большинстве случаев описывалась полная ерунда: мелкие семейные дразги и взаимные оскорбления. Хотя среди графоманского хлама попадались и совершенно замечательные перлы: «Посидели душевнейше, а как встал я наутречко, всё болит... Вышел на двор с опухшей головой наперевес...» Или вот ещё: «А уж как бил-то... И ухватом, и поленом, и вожжами, за оглоблей побёг, а всё будто бы сплю, не чую...» От вдовы мне одно понравилось, я даже Яге зачитывал: «...он спьяну на меня и полез! Долго карабкался, два раза сползал, видать, ссильничать хотел... Ну мне рази жалко?! Взяла сдуру да и приобняла его в чуйствах... Грех на мне, видать, пережала мужика... Вона она, что любовь с людьми делает!»

Как правило, все просят принять срочные меры: избавить, засадить, уберечь, подмогнуть, посодействовать да плюс посочувствовать. Серьёзной информации – на нуле, хотя в этот раз среди прочих грамоток отыскался и уже знакомый конвертик от австрийского подданного Алекса Борра. Упорный малый, пока остальные ждут Митькиного ответа, этот лихач набавляет обороты и предлагает два пряника (просто нет слов, от щедрости руки трясутся!) за секретные сведения об африканской принцессе Тамтамбе Мумумбе. Не понял... с чего это Австрия заинтересовалась Нигерией? Или в этом деле у посла-шпиона-дипломата свои интересы? Ладно, отложим на потом...

– Никитушка, милоч, не занят ли? – Моя домохозяйка деликатно присела напротив. – А ты, Васенька, брысь отседова, ибо чую носом, как от тебя, безобразника, сметанкой ворованной пахнет.

Кот гордо вскинул голову и молча ушёл с видом самого оскорблённого достоинства. Впрочем, уходил он быстро и на доказательствах «беспочвенного» обвинения отнюдь не настаивал...

– Сдаётся мне, касатик, что ты всю нашу бригаду розыскную на три отдельных расследования поделить задумал?

– Продолжайте, бабушка... – важно кивнул я.

– Так вот, имей в виду, к запорожцам твоим хохлатым мне и на дух соваться нельзя, – честно предупредила Яга. – Они, вишь, хоть, с одной стороны, все как есть охальники, до баб охочие, а с другой-то, уж больно всякую нечисть не жалуют... У меня, однако, молодость буйная была, гуляла порой так, что дурная слава поперед меня за семь вёрст бежала. А у казаков этих с ведьмами один разговор – камень на шею, да в реку! Куды ж мне сейчас в прорубь, с моим-то радикулитом...

– Понимаю, учту при распределении. Как вы смотрите насчёт кратковременного переселения в царский терем?

– Дык... как же не посмотреть? – задумчиво прикинула бабка. В принципе я уже знал ответ, но ведь всегда приятно предоставить женщине возможность «самостоятельного выбора». – Поживу там денёк-другой, пока ты кубком хоккейным подзаняться изволишь. Митьке энтó дело никак доверять нельзя, уж больно славно он народец горячий к беспорядку подбивать наострился. Ведь вроде и слова-то правильные говорит, стервец, а всё как набекрень через назад выходит!

– Будем надеяться, у запорожцев он дров наломать не успеет. Полковник Чорный показался мне весьма серьёзным человеком, нашему олуху будет полезно пообтесаться в обществе профессионального офицера. Ну а будут сложности...

– Будут, – без сомнений подтвердила Яга.

– ...тогда мы и поможем, – заключил я. – Каждый вечер – общий сбор в отделении, подготовка полного отчёта о проделанной работе, совместные консультации, а главное, исчерпывающий обмен информацией!

– Как скажешь, сокол-участковый... – Яга, видимо, хотела добавить что-то ещё, но в горницу влетел бледный Митька с ведром, полным угля, и квадратными глазами. Раньше я такого за ним не замечал, но у парня редкие актёрские данные (по крайней мере, своеобразные).

– А-а... Никита Иванович, я... кажись, убил... того.

– Не хватайтесь за сердце, бабушка, обычно он так шутит, – даже не вставая из-за стола, холодно поморщился я. – Митя, упрости глазки, поставь ведро, прекрати шмыгать и оч-чень неторопливо расскажи нам, кого это ты «того»?!

– Чёрта! – разом выдохнул он. Признаю, что в одном коротеньком слове он умудрился уместить такую гамму чувств, что это отняло у парня последние силы. Наш младший сотрудник так и сполз по стене на пол, прижимая к груди деревенское ведёрко до соснового хруста.

– Вылейте на него что-нибудь, бабуль, а?

– Никитушка, уважь меня, старую, взгляни своим глазом начальственным, кому на этот раз от души не повезло?

Пришлось идти, но недалеко. Яга только-только накинула на плечи тулупчик и сунула ноги в валенки, как из сеней донеслось:

– Куды труп складировать?

Двое стрельцов внесли под мышки почерневшее тело. Яга торжественно перекрестилась и указала на широкую скамью, покрытую рогожей. Уложив неизвестного, парни сняли шапки, отметив минуту молчания, и глянули на меня в ожидании дальнейших указаний. Я шагнул к «труп»... Передо мной аккуратно вытянулся одетый во всё черное, с перепачканным угольной пылью лицом гражданин Шмулинсон А.М. Наш небезызвестный ростовщик, гробовщик, портной, доброхотный осведомитель и хоккейный судья по совместительству. Длинные печальные ресницы траурно вздрагивали, хрящеватый остро национальный нос причудливо изогнулся набок, впалая грудь дышала хрипло и с перерывами...

– Чем он его?

– Видать, вторым ведром... – почесали в затылке стрельцы. – Парень ваш уж две ходки к ларю угольному сделал, а как на третий раз пошёл – слышим: крик да гром! Глядь, а он обратно несётся, словно его сам нечистый за штаны ухватил... Мы пошли осмотреть, видим – лежит, вокруг щепки, дужка от ведра рядышком, погнутая... Думаем, надо бы к вам доставить.

– Угу... правильно, – подтвердил я. – Спасибо за службу, все свободны. Митя... иди сюда.

* * *

Наказывать я его не стал – бессмысленно... Прямым отправил дотапливать баню, бабка, что-то бормоча себе под нос, принесла две пары свежего белья и полотенца.

– Иди уж, приводи в чувство безвинно ушибленного. Небось в баньке отогреется, сам скажет, какого рожна за нашим сараем прятался.

– Смотрите на это философски, – подмигнул я. – Судьба благосклонна к одиноким милиционерам, одно дело мы можем смело выбросить из головы – главный судья лукошкинского чемпионата найден!

– Углём перепачканный, до окоченения замёрзший да плюс ещё ведром по башке схлопотавши... – неизвестно кому отчиталась Яга и, вызвав стрельцов, приказала унести Шмулинсона в баню. Я бодренько побежал следом...

А надо признать, парок был выше всяких похвал! Уголёк давал жару, голый Митька с нездоровым мясницким «хэканьем» размахивал берёзовым веником, а мы с Абрамом Моисеевичем вели душевнейшую беседу, прогреваясь на полке.

– Ай, ну ви не подумайте, шо я лишён даже малой дозы элементарной благодарности... Когда ви предложили мне быть судьёй, рази я так уж настаивал на неперемных процентах с каждой игры?! Клянусь Саваофом, бедному еврею вполне хватало того скромного шкалика, шо подносила мне команда победителей!

– Ну если уж быть абсолютно откровенными, то вас ещё потчевали ужином в ближайшем трактире, где каждый раз по совершенно случайному стечению обстоятельств оказывались ваша жена и дети...

– Ба, да шо ви говорите?!

– Минуточку, сейчас припомню... Я же сам был свидетелем... А, вот: «Абрам, иди домой! Дети два дня ничего не ели, а ты тратишь здоровье на этот глупый хоккей... Я уеду к тётё, ты же отдал им свою последнюю рубашку и судишь как никогда честно! Но у нашего Мони уже видны рёбра, а маленький Сёма перестал расти... Иди домой, Абрам, пусть мальчики порадуются на сытого папу!»

– И шо? Где она ошиблась, гражданин участковый?!

– Мм... не знаю, но после этого сердобольные спортсмены угощали уже всю вашу семью, да ещё накупали вам гору продуктов домой. Нет, я вас не осуждаю, просто хочу понять, почему вы сбежали с такой хлебной должности?

Шмулинсон перевернулся с живота на спину, стыдливо прикрыв причинное место сизой мочалкой. Поля его традиционной чёрной шляпы набрякли и обвисли, но снимать её он отказывался категорически...

– Мама, мама, где ты? Почему ты меня оставила? Вот ви ведь всё ещё молодой человек, а каким пронцательным взглядом подсмотрели у внутри всю суть моих страданий?! Поверьте, я умею быть благодарным... Когда ви, не дай вам бог, помрёте и безутешные друзья придут ко мне заказывать гроб – напомните, шо я обещал вам скидку! Не отказывайтесь! Живите сто лет, шоб я состарился раньше, но не отказывайтесь! Пусть им всем будет дико завидно...

– Спасибо, очень надеюсь, что не скоро воспользуюсь... Так что там за проблемы с судейством?

– Проблемы?! Проблем нет! – воодушевлённо улыбнулся Абрам Моисеевич, скривив такую мину, словно обнаружил в супе мышку с кирпичом на шее. – Да, я сбежал, шобы не судить матч ткачей и кузнецов, а кто на моём месте поступил бы иначе?! Ви представляете, обе команды прислали ко мне своих парламентёров и безоглядно предупредили, шо в случае проигрыша утопят меня в проруби! А я глубоко верил, шо в хоккей играют культурные люди... Они сказали, шо утопить меня после поражения – это их как-то утешит, а кормить в случае победы – нецелесообразно экономически! И кто после этого еврей, я вас спрашиваю?!

Честно говоря, нечто подобное я и предполагал. Сам факт подкупа судейства в спортивном мире отнюдь не был новшеством, и Шмулинсона, конечно, стоило взять под защиту. Гораздо больше меня заинтересовал тот факт, что со вчерашнего дня ростовщик прятался у нас во дворе, скрываясь в ларе с углем, а ведь ворота отделения вроде бы охраняются сменными стрельцами. Абрам Моисеевич снисходительно пояснил, «шо за спасение собственного здоровья он куда угодно пролезет, не то шо между двух заспанных стрельцов, вдоль забора, притворяясь ветошью»... Я кивнул и отметил для себя сразу после бани вызвать капитанов ткачей и кузнецов для профилактического разговора. Митька дважды подкатывался с предложением пообогреть нас веничком, но я не разрешал. Опыт выбивания грязи посредством гибких берёзовых прутьев с листиками удавался нашему молодцу как никому – не многие после этого могли выйти из парной своими ногами.

– А, гражданин участковый, ви не напомнимте, где я могу получить денежную компенсацию за причинённые неудобства? – вывел меня из задумчивости стыдливый голос нашего судьи. Видя моё недоумение, он подробно разложил всё по полочкам: – Я сидел на холодном угле, замёрз до неприличных ассоциаций и отморозил буквально всё! А ви думали, с чего я закрываюсь мочалкой? Не оставляйте мою Сару без единственного утешения! Шоб вам так никогда не сидеть на холодном, хотя откуда в ваши годы иметь представление о простате...

– Что ж, в этом смысле мы постараемся вам помочь, – поднимаясь, согласился я. – Митя! Мне пора, а ты выбери веник побольше и займись Абрамом Моисеевичем. Он действительно может подорвать здоровье, а завтра нам необходим бодрый и свежий судья! Справишься?

– Рад стараться, Никита Иванович!

– И шо это ви имеете в виду, господа милиционеры?

Дверь в предбанник закрывалась плотно, и я почти не слышал, чего он еще кричал. А в банном деле нашему Митьке равных нет, это вне сомнений. Хотя, конечно... у парня тяжёлая рука, и в следующий раз Шмулинсон будет «морозиться» осмотрительнее...

– Что ж он с ним делает-то, прости господи?! – шёпотом спрашивали стрельцы, пока я, весь в чистом, в тулупчике на плечах взбегал на крыльцо терема.

– Парит!

Со стороны баньки доносились длинные, вдохновенные вопли с красивым чередованием октав и разнообразием полутонов.

– Свят, свят, свят... – улыбаясь в усы, крестились бородачи. А за накрытым столом меня уже дожидались незваные, но приятные гости: запорожский полковник Левко Степанович Чорный и немецкий посол Кнут Гамсунович Шпицрутенберг.

– Моё почтение, герр Ивашов.

– Здоровеньки булы, пане-добродию участковий! А шо цэ там у тебя за визги на дворе? Мабуть, свинью недорезанную кипятком шпарят?..

– Да так... – чуть замялся я. – Просто наш младший сотрудник помогает гражданину Шмулинсону на предмет восстановления его интимной трудоспособности.

– Зер гут!

– Дуже гарно!

С нехорошими антисемитскими улыбками ариец и хохол по очереди пожали мне руку.

Я ещё подумал, что они как-то не так меня поняли... Но сегодня только эти люди могли оказать мне необходимую помощь, поэтому пришлось честно раскрывать карты. Оба слушателя не перебили ни разу; Левко Степанович лишь крутил вислые усы, а Кнут Гамсунович, с разрешения Яги, дымил длинной трубочкой...

– Таким образом, у меня к вам две просьбы. – Я напрямую обратился к полковнику Чорному. – Первое. Работник отделения, Дмитрий Лобов, должен внедриться в запорожскую делегацию и взять всё расследование на себя. Очень

прошу поддержать парня, оказывая ему всяческое содействие.

– Добре... – помолчав минутку, решил пан атаман.

– А вас, гражданин посол, я попрошу внимательно ознакомиться вот с этими странными письмами, а также, по возможности, дать мне исчерпывающую характеристику вашего австрийского соседа, некого Алекса Борра.

– Яволь... – так же неторопливо согласился Кнут Гамсунович, пуская дым голубоватыми дрожащими колечками. – Но не уверен, что могу вас хоть чем-то порадовать. Кажется, есть такая русская поговорка: «Не тронь, пока не пахнет...» Дас ист?!

* * *

Я так понял, что формулировка «непрофессионал» для дипломата, занимающегося шантажом, подкупом, интригами, воровством, клеветой и подлогом, – очень мягкая и почти ничего не говорит об истинном характере этого милейшего человека. Готов допустить, что Кнут Гамсунович несколько сгустил краски, живописуя конкурента, но, с другой стороны, господина Шпицрутенберга мы давно знаем и верить ему можно. Правда, разумных объяснений причин столь пристального интереса хитрого австрийца к работе нашего отделения пока не нашлось. Сошлись на том, что стоит проявить разумную осторожность и особо «военных секретов» Митьке не доверять.

Кстати, я его тут же и сдал... Ну, в смысле, вызвал к себе, поставил перед ним боевую задачу и передал с рук на руки полковнику Чорному. Митя даже всплакнуть попытался, якобы мы от него избавиться хотим и гоним сироту на тихий Дон, на буйный Терек, злых чеченцев его безвинной кровью потчевать... Успокоился, только когда я ему сделал чёткое внушение относительно важности возложенной задачи и возможности проведения самостоятельного расследования. Наш лопух выгнул грудь до треска в рёбрах, а пан атаман ещё и пообещал подарить молодцу настоящую казацкую люльку. Вообще-то зря он так... Последствия, естественно, легли на наши с Ягой головы, а пока гости разошлись.

Шмулинсона под охраной вернули жене. Фома согласился сам навестить ретивых капитанов из ткацкого и кузнецкого кварталов, но это на вечер. А сейчас время было послеобеденное, и мне с бабулей следовало обсудить завтрашний день...

– А хорошо, Никитушка, что хоть не убили никого, пока...

– Меня это тоже греет, хотя в целом сценарий не особо радует. – Я меланхолично общипывал край уполовиненной ватрушки. Есть не хотелось, но Яга так готовит, что всё равно не удержишься.

– Как это?

– Что?

– Ну, ты вот говоришь, будто не радует он тебя.

– Кто?!

– Да сценарий твой, прости, господи, слова мои грешные! – мелко перекрестилась бабка.

– Ах вот вы о чём... – Я мужественно, суровым волевым усилием отодвинул тарелку с ватрушкой подальше. Подумав, ещё и сам отодвинулся вместе с табуреткой, на всякий случай. – Сейчас объясню. Мне не нравится, что у нас одновременно горят сразу три уголовных дела. Две явные кражи плюс одна неудавшаяся попытка убийства. Проблема в том, что подозреваемых на этот раз так много, что мы рискуем просто завязнуть в арестах, приводах, обысках, допросах и отчётах аж до самого лета!

– Не пойму я тебя, сокола... – Яга села в уголок, взявшись за корзинку с вязаньем. – Как же энтó подозреваемых много? Где ж они все?!

– Объясняю подробнее. Начнём с кражи царского кубка. Кому она была выгодна? Любой команде, не вошедшей в финал, а значит, практически всем хоккеистам, за исключением наших стрелцов. Так?

– Истинно, – важно согласилась бабка.

Я продолжил:

– Теперь о краже гетманской булавы. Подозревать самих запорожцев не хочется, но надо. Для настоящего казака всё, что лежит без присмотра, – военная добыча! Это у себя, на Сечи, они к воровству суровы, а у нас тырят без зазрения совести. Москальское – значит ничьё! Но даже если все они – чисты как дети, то Гостиный двор, где их разместили, в криминальном плане – сплошные слёзы! Я давно уговаривал Гороха проводить там планомерные чистки, а он всё о дипломатическом иммунитете печётся...

– Не был ведь он таким, Никитушка, – поддакнула Яга. – Совсем недавно ведь, тока намекни государю, сам милицейский произвол чинить побежит! Да как начнёт!.. Тока пух и перья во все стороны! Пообтесался, поди, культуры европейской нахватался, вот и развёл всякое жульё иноземное нашему отделению на шею...

– Это из-за женитьбы, – с пониманием отметил я. – Когда в тереме такое количество зарубежных гостей, волей-неволей приходится сдерживать диктаторские порывы, но речь не об этом... Берём третью позицию – польскую принцессу, отравленную яблоком. Это кому было выгодно?

– Да кому хошь... Вон хоть в любую из оставшихся невест пальцем ткни – сразу в подозреваемую и попадёшь! – резюмировала бабка. Всё верно, в этих случаях она ловит на лету, значит, мыслит параллельно.

– Всё так, я бы ещё добавил послов, дипломатов, курьеров, охранников, прислугу, кучеров и просто сочувствующих. Причём сочувствующие в основном из нашего боярства...

– Да-а, дела... А ить нашим-то небось совсем поперёк горла, ежели государь-то на иноземке женится. Боярский гонор такого позору не снесёт!

– Почему я и говорю – слишком много подозреваемых...

– А ежели их... всех сразу и... – Яга демонстративно пристукнула по недовязанному носку сухоньким кулачком и в ответ на мой унылый взгляд вынужденно покачалась: – Ладно, это я так, сама понимаю, что такого дела одними арестами никак не исправишь. Поворожила бы я тебе, дык ведь и улики ни одной нет, как назло... Ну прям хоть лучше б убили кого!

– Мыслите позитивно!

– Ох, слыхала уже... а только с убийствами у нас завсегда лучше получалось!

– И что?! Самим кого-нибудь пристукнуть?

Как видите, разговор был ленивый, пустопорожний и ни о чём. Со второго этажа по щербатым ступенькам сонно стёк кот Василий. Пристроился рядышком со мной, привалившись спиной к табурету, тупо лупая зелёными глазами. Я опустил руку почесать его за ухом. Кот сначала не понял и разомлел, потом вовремя спохватился, что колдовским котам такие фамильярности не к лицу, и царственно отстранился. Повспоминал о чём-то, слегка стукнул себя лапой по лбу и выудил из-под мышки смятое письмо. Или, правильнее сказать, скрученную грамотку от... дьяка Филимона Груздева! Он у нас в Лукошкине наиглавнейший борец за справедливость, отсюда и дня не пройдёт без нового доноса. Однако на этот раз я держал в руках очередную жалобу.

– Бабуля, хотите послушать, что нам гражданин Груздев слёзно советует? Пардон, просит! А еще вернее – умоляет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/andrey-belyanin/otstrel-nevest>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)